

Институт стран СНГ

Научно-аналитический журнал

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

№ 3 (27)

Москва

2024

СОВЕТ УЧРЕДИТЕЛЕЙ

Затулин К. Ф., специальный представитель Государственной думы РФ по вопросам миграции и гражданства, первый заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII созывов;

Никифоров К. В., доктор исторических наук, историк-славист, директор Института славяноведения РАН;

Тишков В. А., доктор исторических наук, профессор, историк, этнолог, социальный антрополог, действительный член РАН;

Торкунов А. В., действительный член РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, ректор МГИМО МИД России, председатель совета директоров АО «Первый канал».

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев С. Ю., академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации в Национальном банковском совете;

Егоров В. Г., доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения и геополитика транспорта» РУТ (МИИТ);

Кожокин Е. М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России;

Кузнецов А. В., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН;

Ли Юнцюань, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук;

Симонов К. В., кандидат политических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, основатель и генеральный директор ФНЭБ;

Суварян Ю. М., академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор экономических наук, профессор, академик-секретарь Отделения арменоведения и общественных наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белогорьев А. М., заместитель главного директора по энергетическому направлению, директор Центра стратегического анализа и прогнозирования развития топливно-энергетического комплекса;

Вардомский Л. Б., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН;

Волошин В. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором энергетической политики Института экономики РАН;

Дзарасов Р. С., доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Жильцов С. С., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России;

Конотопов М. В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ИЭ РАН;

Кришталь И. С., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»;

Кузнецова О. Д., доктор экономических наук, профессор кафедры истории экономических наук Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Лавренов С. Я., доктор политических наук, профессор Военного университета Министерства обороны России;

Медведев Д. А., кандидат политических наук, доцент кафедры национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина;

Олимов М. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета;

Панова Г. С., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России;

Рахимов М. А., доктор исторических наук, профессор, Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана;

Тавадян А. А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра экономических исследований Армении;

Устюжанина Е. В., доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономической теории Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Хейфец Б. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ;

Чуфрин Г. И., доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центр постсоветских исследований ИМЭМО РАН;

Штоль В. В., доктор политических наук, профессор, член научного совета при Совете безопасности России, член центрального правления Российской ассоциации содействия ООН, член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор – А. А. Мигранян, доктор экономических наук, профессор

Редактор – О. А. Борисова, научный сотрудник Института стран СНГ

Корректор – Т. С. Митрофаненко

Вёрстка – А. А. Горбунов

Учредитель и издатель –

Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)

Журнал «Геоэкономика энергетики»

рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК)

**в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание учёной степени кандидата и доктора наук.**

СЛОВО РЕДАКТОРА

Структурная и ценовая стабилизация энергетических рынков в летний период позволяет углубиться в исследование процессов оптимизации транзакционных издержек внешней торговли России в условиях роста санкционного давления со странами Глобального Юга. Интерес к исследованию российско-монгольского сотрудничества в данном номере обусловлен не только расширением торгово-экономических, политических и гуманитарных связей в юбилейный год двусторонних отношений, но и успешным форматом восстановления взаимовыгодного взаимодействия как модели нового вектора российской внешней политики.

Исследование путей оптимизации затрат на формирование новых торгово-экономических связей в отраслевом разрезе, а также кластеров совместных производственных и коммерческих центров позволяет оценить эффективность организации товарных и финансовых потоков. Оценка финансово-логистических факторов организации торговых связей и их диверсификации на примере российско-монгольского сотрудничества позволяет существенно снизить издержки при реализации совместных проектов, что способствует росту финансовой, торгово-экономической и энергетической безопасности стран.

Энергетическое сотрудничество между Россией и Монголией позволяет решать проблемы энергообеспечения и сохранения имеющегося экологического баланса в регионе, что соответствует интересам стран региона. Трехстороннее соглашение между Россией, Монголией и Китаем по проекту «Сила Сибири – 2» формирует новый подход регионального сотрудничества, что может стать успешной моделью экономического сотрудничества для других стран Глобального Юга. География торговых и финансовых потоков между странами региона, наличие ресурсного потенциала и емкого рынка обуславливают необходимость углубления экономического сотрудничества посредством развития производственной кооперации.

Развитие экономического сотрудничества в треугольнике Россия – Монголия – Китай как модели нового подхода к формированию взаимовыгодных отношений требует учета цивилизационного фактора в условиях трансформации международных отношений и экономических ограничений, создающих неравные конкурентные возможности для стран на мировых рынках.

*С уважением,
главный редактор Мигранян А. А.*

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА	4
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ОБЩИЕ РЫНКИ	
ДИНЕЦ Д. <i>Монголия в международных финансово-логистических цепочках</i>	6
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	
ИГНАТОВ И. <i>Российско-монгольское сотрудничество в области электроэнергетики: проблемы и перспективы</i>	16
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	
НИКИФОРОВ С. <i>Перспективные направления развития российско-монгольских отношений с точки зрения цивилизационной политологии.</i>	27
ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ	
ФАРТЫШЕВ А., БЕЗРУКОВ Л. <i>Географическая структура внешней торговли Монголии: внутриконтинентальность, пункты пропуска и особенности логистики</i>	42
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ	
ЮШКОВ И. <i>Энергетическое сотрудничество России, Монголии и Китая</i>	58
ТЕОРИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ	
ЕГОРОВ В., ИНШАКОВ А. <i>Кооперативная теория второй половины XIX – первой половины XX столетия.</i>	67
МЕРОПРИЯТИЯ	
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»	
ЗАТУЛИН К. <i>Приветственное слово на международной конференции «Актуальные проблемы российско-монгольского сотрудничества»</i>	88
Д. УНУБИЛЭГТ. <i>ШОС и вопрос членства Монголии</i>	90
МИРОНОВ С. <i>Перспективы развития российско-монгольских отношений</i>	96

Дарья ДИНЕЦ

МОНГОЛИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕПОЧКАХ

Дата поступления в редакцию: 25.05.2024.

Для цитирования: Динец Д. А., 2024. Монголия в международных финансово-логистических цепочках. – Геоэкономика энергетики. № 3 (27). С. 6–15. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_6

Статья посвящена методологическим и практическим аспектам оценки специфики развивающихся стран, в том числе Монголии, в вопросе оценки результативности финансово-логистических цепочек. Актуальность и значимость исследования в том, что решения об инвестиционной программе («Видение-2050») принимаются на основе традиционных оценок инвестиционных проектов, их экономических и социальных эффектов. В статье на основе обобщения имеющихся массивов информации представлен авторский подход к обоснованию необходимости изменения традиционных методов оценки. Доказана необходимость учета в моделях затрат на диверсификацию и прогноза изменения места в цепочках добавленной стоимости при возникновении в будущем неявных затрат. Игнорирование факта перекладывания затрат международной торговли на потребителей в небольших сырьевых экономиках приводит зачастую к рецессиям и необходимости постоянного рефинансирования долга. В статье рассматривается структура экспорта и импорта Монголии не в традиционных оценках, а с позиции влияния на будущий рост расходов при отсутствии источников их покрытия. Особое внимание уделено росту неэффективности и нерациональности бюджетных расходов при традиционном прогнозировании эффектов и выгод от реализации проекта. Применительно к теме исследования обосновано применение терминов «ликвидность бюджета», «фиктивные финансовые потоки», «маскировка товарных потоков». Предложен подход к классификации факторов, искажающих картину движения финансово-логистических потоков с точки зрения влияния на националь-

ДИНЕЦ Дарья Александровна, доктор экономических наук, заведующая кафедрой финансов и кредита Российского университета дружбы народов. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. **E-mail:** dardinets@gmail.com. **SPIN-код:** 2607-3650. **ORCID:** 0000-0001-8734-8998

Ключевые слова: международная торговля, международное движение капитала, оценка эффективности прямых иностранных инвестиций, опыт Монголии.

ные экономические интересы. В заключении сделан вывод о возможности практического применения предлагаемых подходов для анализа финансовых и логистических потоков других стран, а также имеющиеся допущения в применении данной модели.

Методология и данные

Традиционные подходы к освещению проблем неравномерности финансово-логистических цепочек зачастую не учитывают задач, стоящих перед небольшими развивающимися странами в разработке рациональных методов вовлечения в глобальные торговые и транспортные потоки. Вместе с тем существуют методологические особенности оценки достижений и перспектив небольших стран с преимущественно сырьевым экспортом в процессе интеграции в международное движение товаров, капиталов и рабочей силы. К таким особенностям можно отнести:

1. *Степень диверсификации экспорта и его сравнение со степенью диверсификации импорта.* Причем в первом случае во многом важна диверсификация капитала компаний и предприятий, производящих экспортную продукцию, а также источников их финансирования. Во втором случае значение имеет диверсификация рынков сбыта импортной продукции и диверсификация потребителей продукции. Если в этих соотношениях имеется существенный перекос, то однозначно можно говорить о полярности товарных и денежных потоков. Важны и соотношения цен и объемов продукции: не представляет труда рассчитать усредненную доходную ставку на тонну экспортного груза и ставку расходов на тонну импортируемых товаров. Получаем ряд выражений: зависимость доходных ставок на тонну экспортируемого груза от уровня диверсификации активов экспортеров, а также зависимость расходов на тонну импортируемых товаров от уровня диверсификации их потребителей (рынков сбыта). Анализ первого выражения можно дополнить учетом источников поступления капитала для производства экспортной продукции. Уровень диверсификации может быть рассчитан по показателю дисперсии соответствующих величин. Далее можно сделать вывод: если зависимость доходности экспорта от диверсификации активов высока, то экспортные отрасли относительно независимы, а страна может проводить независимую политику в области управления инвестиционным потенциалом экспортных отраслей. В свою очередь, если зависимость расходов на импорт отрицательна по отношению к диверсификации рынков сбыта и потребителей, то есть основания полагать, что импортеры не проводят агрессивную ценовую политику, а национальные потребительские рынки относительно независимы от позиций ключевых импортеров. При соблюдении указанных соотношений можно применять традиционную методологию анализа экспортно-импортных пропорций и позиции страны в международном движении

капитала, если же отношения не соблюдаются на длительном временном интервале, то можно сделать вывод о преобладании в стране износа над уровнем амортизации и невозможности компенсировать затраты на оплату труда за счет поступающих финансовых потоков. В таком случае пропорции в логистике и финансах необходимо определять с позиции их влияния на деиндустриализацию и вывоз капитала из страны.

2. *Зависимость бюджетной и денежно-кредитной политики страны от внешних факторов* — соблюдение требований Вашингтонского консенсуса, установление жесткого курса валюты, политика управления внешним долгом, структура внешних кредиторов и зависимость от институциональных наднациональных организаций развития в получении источников финансирования. Чем больше зависимость параметров финансовой политики страны от позиции внешних сил и чем выше потребности в рефинансировании долга, в частности, для обеспечения окупаемости ранее осуществленных международных инвестиций, тем в большей степени данные о финансовых и логистических потоках подвержены искажениям. К таким искажениям можно отнести: номинальность финансовых потоков, маскировку логистических потоков. Под номинальностью финансовых потоков для целей настоящего исследования понимаются финансовые ресурсы, поступающие в страну в качестве источника рефинансирования произведенных ранее расходов, то есть такие финансовые ресурсы не могут потенциально быть направлены на новые капитальные вложения. Под маскировкой торговых потоков понимаются такие операции, которые фактически являются элементами инвестиционных процессов и требуют окупаемости, которая не заложена в их ценах, то есть операций, которые повлекут в будущем рост расходов.

Игнорирование выявленных факторов не позволяет определить реальные соотношения финансовых и логистических потоков, а также место, роль и субъектность того или иного игрока на международной арене.

Существуют определенные трудности с получением информации, необходимой для точного учета предложенных автором факторов, однако имеются косвенные оценки, которые позволят сделать качественный вывод о текущей ситуации применительно к экономике Монголии.

Аналитическая часть

В частности, могут быть рассмотрены данные о чистых финансовых потоках Монголии для оценки степени независимости в принятии решений.

Например, по данным Всемирного банка, Монголия является чистым должником, что неудивительно с учетом динамики внешней торговли и потребности в источниках финансирования капитальных вложений. Вместе с тем долг перед наднациональными организациями и институтами раз-

вития существенно меньше частного долга (800 млн долл. против 32 млрд долл. соответственно¹). Если же рассмотреть данные о чистом долге, то по отношению к международным институтам развития чистый долг динамически приближается к нулю. Следует помнить, что Монголия заимствует в иностранных валютах, что накладывает ограничения как на конвертируемость тугрика, так и на свободу выбора инструментов денежно-кредитной политики. Также следует понимать, что наличие существенного внешнего долга означает и влияние на цены производимой в стране продукции через механизм затрат.

Позиция должника во многом определяет и геополитическую зависимость. Сегодня, несмотря на выраженный монгольской стороной нейтралитет в позиции антироссийских санкций, фактически операции между Россией и Монголией с использованием национальных валют не осуществляются. Это означает, что, несмотря на заявленную властями позицию о свободе входа на монгольские рынки любых партнеров и инвесторов, имеются противоречия в зависимости от товарного взаимодействия с Россией и финансовой зависимости от политик эмитентов валют монгольского долга. По этой причине экспорт российских товаров в Монголию (8 млрд долл., по данным ВТО, в 2022 г.)² не находит адекватного финансового покрытия за счет экспорта монгольской продукции в третьи страны.

Речь идет о том, что валюты контрактов не соответствуют профилю внешнего долга Монголии, что порождает транзакционные затраты и физические перебои в поставках. Причина видится в том, что высокий уровень финансовой зависимости вызывает рост эффективных ставок по долгу на величину транзакционных издержек, связанных с конвертацией и увеличением времени на совершение операций. В таких условиях структура валют заимствования и структура валют экспортно-импортных операций вынуждают Монголию компенсировать все конвертационные издержки и издержки времени поставок за счет прямых потерь добавленной стоимости. Возникают так называемые замаскированные товарные потоки, которые фактически являются лишь потоками расходов, но не несут никакой реальной добавленной стоимости.

Далее следует упомянуть и структуру импорта в Монголию. По данным Всемирного банка, основные импортные позиции — это оборудование, транспортные средства, товары для строительства, промежуточные товары [Mongolia Trade Competitiveness Diagnostic, 2023]. Иными словами, ключевые

¹ World Bank Group. External debt stocks, long-term (DOD, current US\$) — Mongolia // <https://data.worldbank.org/indicator/DT.DOD.DLXF.CD?locations=MN>, дата обращения 09.04.2024.

² Mongolia and the WTO // https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/mongolia_e.htm, дата обращения 09.04.2024.

статьи товарного импорта так или иначе связаны с наращиванием промышленного потенциала страны. Если мы сопоставим эту структуру с данными о реализуемых международных инвестиционных проектах, в частности в рамках «Пояса и пути», то становится весьма очевидной давно проверенная схема времен первой промышленной революции: запуску инвестиционного проекта всегда сопутствует приобретение необходимого оборудования и промежуточных товаров (сырья, материалов), которые произведены именно в тех странах, которые являются ключевыми инвесторами проекта. В итоге движение финансовых потоков оказывается номинальным, поскольку фактически средства возвращаются на родину в форме платы за импортированное оборудование, но при этом возникает потребность в будущем делиться мощностями, в частности транспортно-логистическими. В свою очередь, предоставление мощностей в будущем на льготных условиях либо в принципе бесплатно предполагает, что возникающие эксплуатационные расходы не найдут доходного покрытия, что, в свою очередь, усилит финансовую зависимость ввиду необходимости рефинансирования долга для покрытия возрастающих расходов. В итоге мы имеем дело с фиктивными финансовыми потоками — потоками, которые впоследствии способны привести лишь к росту расходов.

Похожий вывод следует и из рассмотрения структуры импорта услуг: тот же источник говорит о том, что больше половины импортируемых услуг составляют затраты на транспортировку [*Mongolia Trade Competitiveness Diagnostic*, 2023]. Это противоречие следует напрямую из того обстоятельства, что участие в международных проектах вроде «Пояса и пути» никогда не бывает паритетным. Если задуматься, то Монголия на условиях финансирования инвестиций в транспортно-логистическую инфраструктуру принимает на себя расходы по транспортировке импортируемых товаров, но при этом оплачивает полный тариф при продаже произведённых товаров за рубеж. В частности, сопоставление расходов и доходов от оказания транспортных услуг для Монголии оценивается как 11:1³. Иначе говоря, финансовые потоки, направляемые на развитие национальной монгольской транспортной инфраструктуры, представляют собой не что иное, как механизм отложенных затрат, для финансирования которых впоследствии придется изыскивать дополнительные источники.

Рассмотрение структуры экспорта позволяет выявить схожую, но несколько иную специфическую зависимость. Известно, что ключевая экспортная статья — это сырье, экспортируемое главным образом в Китай. Диверсификация экспорта как по направлениям, так и по товарной структуре существенно сокращается (тенденция набрала обороты в период пандемии

³ Statista. Third Party Logistics (3PL) — Mongolia // <https://www.statista.com/outlook/mmo/third-party-logistics-3pl/mongolia#logistics-cost>, дата обращения 09.04.2024.

и в последние годы только усиливается)⁴. Насыпные грузы традиционно перевозятся в полувагонах и являются для перевозчика самыми низкомаржинальными с точки зрения доходов от перевозок. Поскольку в Монголии и Китае разная железнодорожная колея, для перевозки используются контейнеры, которые на границе с помощью подъемной техники переносятся на китайский подвижной состав. Контейнерный парк Монголии не позволяет обеспечивать необходимые объемы, поэтому используются контейнеры китайской стороны, обработка грузов при перевалке также является платной услугой. При этом парк полувагонов УБЖД, несмотря на высокую степень изношенности, фактически простаивает либо направляется на металлолом. В итоге зависимость от ключевого импортера также приводит к росту эксплуатационных и непроизводительных затрат без эквивалентного прироста доходов — цены на уголь определяются позицией ключевых потребителей и производителей этого сырья, а именно Китая и Австралии, поэтому возможности получения спекулятивных доходов в форме компенсации неравномерности торговых потоков у Монголии также нет.

Также, возвращаясь к методологическим аспектам, рассмотренным в начале данной статьи, для более глубокого анализа можно использовать расчеты Всемирного банка о степени диверсификации активов и торговли Монголии. Так, уровень продуктовой диверсификации оценивается в 0,17 (где 1 — это производство полностью различных товаров и услуг всеми участниками рынка), а уровень диверсификации активов — в 0,35 [*Mongolia Trade Competitiveness Diagnostic*, 2023]. Практически при полном отсутствии диверсификации рынков сбыта имеем соотношения:

- доходная ставка тонны экспорта существенно ниже доходной ставки импорта;

- рост диверсификации импорта, как правило, приводит к росту издержек, потому что сопряжен с необходимостью конвертации валют и трансакционных издержек, связанных с разницей в валютах торговли и валютах долга;

- диверсификация экспорта существенно снижается с 2020 г., что привело к росту затрат на транспортировку.

Получаем, что финансовые и логистические потоки, опосредующие внешнеэкономическую деятельность Монголии, фактически имеют свойства отложенных расходов, или, иначе говоря, отложенных налогов на потребление монгольского населения.

Ситуация усугубляется неликвидностью бюджетных расходов — ситуацией, когда расходование бюджетных средств не приводит к росту затрат в других секторах национальной экономики, росту активной базы и повышению

⁴ Mongolia and the WTO // https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/mongolia_e.htm, дата обращения 09.04.2024.

передельности производства. Иными словами, неликвидность бюджетных расходов свидетельствует о том, что исполнение бюджетных обязательств не приводит к кратному увеличению активов, мощностей, ресурсов. Связь с рассматриваемой темой проявляется опосредованно к возможности диверсификации импорта без соответствующего роста затрат. Ситуация, при которой рост бюджетных расходов связан с увеличением промышленного потенциала для зависимой от экспорта энергоресурсов страны, означает, что для исполнения бюджета необходимо увеличение номенклатуры импортируемых товаров. Поскольку при этом институциональная структура не ориентирована на широкую диверсификацию производства, параллельно не создаются вспомогательные и обеспечивающие производства, что и означает низкую ликвидность бюджетных расходов.

В свою очередь, ситуация приводит к дополнительному росту числа импортируемых позиций, что при отсутствии работающих институтов и развитой инфраструктуры также приводит к отложенным издержкам. В итоге плохая проработанность бюджетного процесса, повсеместное использование проектного подхода в части ситуаций, где требуется внедрение программных решений, — все это в совокупности создает предпосылки негативного влияния международных финансовых и логистических потоков на эффективность национальной экономики Монголии и возможности ее развития.

Заключение

Статья представляет собой попытку авторского осмысления диссонанса, возникающего при сопоставлении официальных данных и оценок международных финансовых организаций об успехах Монголии на поприще развития международной торговли с реальной картиной, предстающей перед глазами въезжающего в Монголию. Экстраполяция полученных данных на опыт других развивающихся стран может стать одним из этапов повышения качества оценки и анализа данных об их финансовых и логистических потоках и нивелирования геополитического контекста.

Основной вывод, который должен следовать из проведенного анализа, состоит в том, что механизмы затрат, заложенные в любой экономический процесс, должны быть оценены с позиции возникновения негативных эффектов в будущем. Применительно к Монголии можно сделать однозначный вывод о том, что существующая инвестиционная программа, направленная на расширение внешнеэкономической деятельности Монголии, фактически ориентирована на рост возможностей стран-инвесторов финансировать свои будущие расходы и наращивать макроэкономическую эффективность за счет использования свободных в настоящее время денежных потоков.

Для оценки эффекта от международных финансовых и логистических потоков анализ должен быть дополнен вторичными косвенными факторами, позволяющими оценить возможность роста диверсификации поставок и финансовых потоков без кратного увеличения неравенства и непроизводительных издержек в будущем. Анализ такого рода позволит более точно планировать расходы бюджета для того, чтобы рост их ликвидности позволил своевременно перенаправить соответствующие финансовые и логистические потоки для наращивания производительности и положительного мультипликативного эффекта в будущем.

Вместе с тем предлагаемая теоретическая модель имеет ряд допущений, ограничивающих степень их применения. Как в любой модели, основанной на усредненных оценках, в ней могут присутствовать ловушки усреднения данных. По этой причине в данной статье не приведены таблицы, графики и уравнения. Модель позволяет определить наличие тенденций, свидетельствующих о потере контроля над финансовыми и логистическими потоками с точки зрения их возможного позитивного влияния на будущие экономические показатели страны, но для более точных оценок подобных искажений необходимы дополнительные исследования по группе стран.

Список литературы

Mongolia and the WTO // https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/mongolia_e.htm, дата обращения 09.04.2024.

Statista.Third Party Logistics (3PL) – Mongolia // <https://www.statista.com/outlook/mmo/third-party-logistics-3pl/mongolia#logistics-cost>, дата обращения 09.04.2024.

The World Bank. Mongolia Trade Competitiveness Diagnostic, 2023 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099122923235632685/pdf/P17967910273eb0291bc5713261695a6599.pdf>, дата обращения 09.04.2024.

The World Bank. Mongolia Trade Competitiveness Diagnostic, 2023 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099122923235632685/pdf/P17967910273eb0291bc5713261695a6599.pdf>, дата обращения 09.04.2024.

World Bank Group. External debt stocks, long-term (DOD, current US\$) – Mongolia // <https://data.worldbank.org/indicator/DT.DOD.DLXF.CD?locations=MN>, дата обращения 09.04.2024.

DINETS Daria A., Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Faculty of Economics, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education, People Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Address: 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation

E-mail: dinets_da@pfur.ru

SPIN-code: 2607-3650

ORCID: 0000-0001-8734-8998

MONGOLIA IN INTERNATIONAL FINANCIAL AND LOGISTICS CHAINS

DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_6

Received: 25.05.2024.

For citation: *Dinets D. A.*, 2024. Mongolia in international financial and logistics chains. – *Gеоeconomics of Energetics*. № 3 (27). P. 6–15. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_6

Keywords: international trade, international capital flow, assessing the effectiveness of foreign direct investment, the experience of Mongolia/

Abstract

The article is devoted to the methodological and practical aspects of assessing the specifics of developing countries, including Mongolia, in estimate of the performance of financial and logistics chains. The relevance and significance of the study is that decisions on the investment program (Vision 2050) are made on the basis of traditional assessments of investment projects, its' economic and social effects. Based on a generalization of available information and data, the article presents the author's approach to justifying the need to change traditional assessment methods. The necessity of taking into account in models the costs of diversification and forecasting changes in the place in value chains when implicit costs arise in the future has been proven. Ignoring the fact that the costs of international trade are passed on to consumers in small commodity economies often leads to recessions and the need for constant debt refinancing. The article examines the structure of Mongolia's exports and imports not in traditional estimates, but from the position of influence on future growth of expenses in the absence of sources to cover them. Particular attention is paid to the growing inefficiency and irrationality of budget expenditures in the traditional forecasting of the effects and benefits from the implementation of the project. In relation to the research topic, the use of the terms «budget liquidity», «fictitious financial flows», «disguise of commodity flows» is justified. An approach to the classification of factors that distort the picture of the movement of financial and logistics flows from the point of view of influence on national economic interests is proposed. In conclusion, a conclusion is drawn about the possibility of practical application of the proposed approaches for the analysis of financial and logistics flows of other countries, as well as the existing assumptions in the application of this model.

References

Mongolia and the WTO // https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/mongolia_e.htm, accessed 09.04.2024. (In Eng.)

Statista.Third Party Logistics (3PL) – Mongolia // <https://www.statista.com/outlook/mmo/third-party-logistics-3pl/mongolia#logistics-cost>, accessed 09.04.2024. (In Eng.)

The World Bank. Mongolia Trade Competitiveness Diagnostic, 2023 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099122923235632685/pdf/P17967910273eb0291bc5713261695a6599.pdf>, accessed 09.04.2024. (In Eng.)

The World Bank. Mongolia Trade Competitiveness Diagnostic, 2023 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099122923235632685/pdf/P17967910273eb0291bc5713261695a6599.pdf>, accessed 09.04.2024. (In Eng.)

World Bank Group. External debt stocks, long-term (DOD, current US\$) – Mongolia // <https://data.worldbank.org/indicator/DT.DOD.DLXF.CD?locations=MN>, accessed 09.04.2024. (In Eng.)

Иван ИГНАТОВ

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Дата поступления в редакцию: 20.05.2024.

Для цитирования: *Игнатов И. А., 2024. Российско-монгольское сотрудничество в области электроэнергетики: проблемы и перспективы. – Геоэкономика энергетики. № 3 (27). С. 16–26. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_16*

Данная статья посвящена исследованию существующих проблем и перспектив развития сотрудничества между Российской Федерацией и Монголией в области электроэнергетики. Автор кратко описывает историю развития российско-монгольских связей на данном направлении и их существующую нормативно-правовую основу, а также дает характеристику существующих в Монголии энергетических проблем. Особое внимание при этом уделяется преимуществам, имеющимся у российской стороны при взаимодействии с Монголией по линии энергетики. Затем автор по очереди анализирует направления сотрудничества между Россией и Монголией в сфере электроэнергетики: тепловую энергетику (наиболее значимое традиционное направление), развитие электросетевой инфраструктуры, гидроэнергетику, атомную энергетику и, наконец, альтернативную энергетику. По каждому направлению автор приводит сведения о степени его развитости в Монголии и о том, какие возможности имеются у российской стороны по взаимодействию с монгольскими партнерами. Перечисляются наиболее значимые проекты из числа уже реализованных, находящихся в разработке либо относящихся к перспективным. Кроме того, автор изучает существующие проблемы, препятствующие

ИГНАТОВ Иван Андреевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12. E-mail: sienar93@yandex.ru. SPIN-код: 1955-7430. ORCID: 0000-0002-5480-3488.

Ключевые слова: Россия, Монголия, электроэнергетика, энергетика, энергия, сотрудничество, проект, технологии, «третий сосед».

углублению российско-монгольского сотрудничества в области электроэнергетики, такие как противодействие других государств (в первую очередь так называемых стран «третьего соседа») и неразрешенные противоречия в отношении монгольских проектов ГЭС в бассейне р. Селенга. Автор приходит к выводу, что при должной реализации российской стороной имеющихся преимуществ имеются хорошие шансы разрешить спорные вопросы и добиться успеха в развитии российско-монгольского сотрудничества в электроэнергетике, тем самым способствуя экономическому росту и укреплению энергетической безопасности обеих стран.

Введение

Развитие российско-монгольских связей в электроэнергетике является одним из важнейших направлений двусторонних отношений.

Сотрудничество России и Монголии в электроэнергетической отрасли имеет давнюю историю. В становлении монгольской энергетической системы ключевую роль сыграли советские специалисты. При их участии были построены крупнейшие монгольские энергообъекты, такие как ТЭЦ-3 и ТЭЦ-4 в Улан-Баторе. По этой причине подходы к эксплуатации и управлению энергообъектами в Монголии аналогичны лучшим отечественным традициям. Кроме того, на монгольских электростанциях до сих пор эксплуатируется оборудование, произведенное в СССР и знакомое российским инженерам и конструкторам. Эти факторы, как и традиционно дружественные отношения между Россией и Монголией, являются преимуществами для российской стороны при развитии российско-монгольских связей в энергетической отрасли [Грайворонский, 2014].

В настоящее время в Монголии наблюдается растущий дефицит энергогенерирующих мощностей. Потребление энергии домохозяйствами и предприятиями растет, а оборудование существующих электростанций физически и морально стареет. Недостающую энергию монголам приходится импортировать из соседних стран — России и Китая [Внешнеэкономические отношения Монголии..., 2020: 85–86]. Для дальнейшего социально-экономического развития Монголии необходимократно увеличить собственное производство электроэнергии. Представители монгольского руководства регулярно высказываются на эту тему, отмечая также фундаментальную роль энергетики в обеспечении экономической безопасности страны.

В 2015 г. между Россией и Монголией было подписано Соглашение о модернизации национальной энергетики, строительстве генерации и электросетевой инфраструктуры. В 2019 г. было подписано и вступило в силу Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области электроэнергетики. Таким образом была заложена правовая основа российско-монгольского сотрудничества в электроэнергетической сфере по всем направлениям, включая как традиционные, так и перспективные.

Тепловая энергетика

Наиболее значимым традиционным направлением российско-монгольского сотрудничества в электроэнергетической сфере в настоящее время является тепловая энергетика.

Помимо уже упомянутых ТЭЦ-3 и ТЭЦ-4 в Улан-Баторе, советские конструкторы и инженеры принимали участие в разработке и строительстве других теплоэлектростанций Монголии, включая расположенные в других частях страны (ТЭЦ в Дархане, Эрдэнэте, Чойбалсане, ряд дизельных станций в центрах аймаков) [Родионов, 2009: 162]. Многие работники монгольской энергетической отрасли получили образование в СССР и России. В условиях, когда Монголия стремится для обеспечения растущего спроса возводить новые объекты энергогенерации и модернизировать старые, богатейшие знания, компетенция и опыт российских энергетиков, их давние связи с монгольскими коллегами и наличие на электростанциях Монголии знакомого им оборудования становятся для России важнейшим конкурентным преимуществом при развитии партнерских связей на данном направлении.

Значимым фактором при развитии сотрудничества между Россией и Монголией в тепловой энергетике являются соображения экологии. В рамках действующих международных соглашений, включая Парижское соглашение по климату, монгольские власти декларируют стремление обеспечить движение энергосектора страны в сторону низкоуглеродной энергетики и развития возобновляемых источников энергии. В то же время уголь является основным источником топлива для монгольских ТЭС, включая все крупнейшие. В этой ситуации для России имеются и определенные преимущества. Поскольку страны «третьего соседа», в частности Запада, сейчас воздерживаются от реализации в Монголии масштабных проектов угольной генерации, российским энергетикам не приходится конкурировать с компаниями из этих государств на монгольском рынке за проекты угольных ТЭС. Другой вопрос, удастся ли российским компаниям воспользоваться этим преимуществом, тем более что объекты угольной генерации по-прежнему возводят и модернизируют, например, китайские предприятия.

В январе 2021 г. был завершен самый масштабный российско-монгольский электроэнергетический проект за постсоветский период – реконструкция основного оборудования на всех четырех блоках улан-баторской ТЭЦ-4, крупнейшей электростанции Монголии. Первые два энергоблока были сданы в эксплуатацию еще в 2019 г., работа над двумя другими велась в условиях пандемии *COVID-19* и карантина. Модернизация энергооборудования осуществлялась силами предприятия «Уральский турбинный завод» (УТЗ), в то время принадлежавшего АО «РОТЕК». Благодаря модернизации турбин и установке нового оборудования на Улан-Баторской ТЭЦ-4 было введено

в эксплуатацию почти 600 МВт энергетических мощностей, тем самым удалось на 64 % увеличить мощность электростанции и на 100 тыс. т уменьшить потребление угля. Благодаря реализации данного проекта значительно возросла надежность поставок энергии в энергосистему Центрального региона Монголии, крупнейшую в стране [Шурубович, Пылин, 2021: 177, 180].

Самым крупным из ныне находящихся в разработке российско-монгольских проектов в области тепловой энергетики является проект модернизации улан-баторской ТЭЦ-3 [Алифиров, 2023]. Этот проект предусматривает увеличение мощности станции за счет строительства двух новых энергоблоков на 250 МВт (только по электрической энергии, без учета тепловой), с российской стороны он прорабатывается ООО «Интер РАО – Экспорт», входящим в ПАО «Интер РАО». Российская и монгольская стороны неоднократно отмечали стратегическую важность данного проекта и заявляли о необходимости скорейшего перехода к его практической реализации. ТЭО проекта было разработано и передано монгольской стороне в 2022 г., между российским подрядчиком в лице «Интер РАО – Экспорт», руководством ГАО «ТЭЦ-3» и Министерством энергетики Монголии налажено конструктивное взаимодействие. В настоящее время готовится подписание межправительственного соглашения по проведению базового проектирования, оно намечено на осень 2024 г.

Российские компании изучают вопрос участия и в других проектах строительства и модернизации ТЭС в Монголии, включая объекты газовой энергогенерации. Последнее направление может быть сопряжено с реализацией проекта газопровода «Союз Восток», который будет проходить из России в Китай через Монголию.

Электросетевая инфраструктура

Наряду с созданием источников энергии и увеличением их мощностей советские специалисты принимали участие и в строительстве сетей передачи и распределения энергии, внося вклад в создание региональных энергосетей Монголии и линий электропередачи, соединяющих Россию и Монголию (включая ЛЭП 220 кВ Гусиноозерская ГРЭС – Дархан и ЛЭП 110 кВ Харанорская ГРЭС – Чойбалсан), по которым и ныне монголы получают энергию из России. К сожалению, в настоящее время велика степень износа энергетической инфраструктуры Монголии. Нередки аварии, что особенно критично в период зимних пиковых нагрузок – тогда монгольским инженерам приходится работать в авральном режиме, чтобы как можно скорее восстановить доступ потребителей, предприятий и учреждений к энергии.

Российские специалисты могут оказать монгольской стороне содействие в модернизации энергетической инфраструктуры Монголии. Эти вопросы обсуждались в ходе последних заседаний межправительственной комиссии.

Гидроэнергетика

В рамках Новой политики возрождения — среднесрочной программы, утвержденной в конце декабря 2021 г. и направленной на укрепление экономической независимости и самостоятельности Монголии, — предусмотрено возведение нескольких гидроэлектростанций. Новые ГЭС, по замыслу монгольской стороны, не только должны содействовать решению проблемы растущего дефицита энергетических мощностей в Монголии, но и будут отвечать общемировой тенденции к развитию зеленой, экологичной энергетики. В рамках этой политики, в частности, на западе Монголии при активном участии Китая строится ГЭС «Эрдэнэбурэн» мощностью 90 МВт. В России наибольшее внимание привлекают другие планы монголов в области развития гидроэнергетики, а именно анонсированная еще в 2012 г. инициатива возведения нескольких ГЭС в бассейне р. Селенга.

Монгольская сторона утверждает, что новые энергообъекты, возможность строительства которых, кстати, рассматривалась еще советскими инженерами в 1930-х гг., не нанесут существенного вреда озеру Байкал, для которого Селенга является главным источником притока воды (до половины от ежегодного объема). При этом монголы ссылаются на результаты собственных исследований и исследований, проведенных совместно с иностранными компаниями, а также апеллируют к международным организациям, включая ООН и ЮНЕСКО. В России на этот счет другое мнение. Более того, кроме опасений за судьбу Байкала, у российской стороны есть информация, что реализация этих планов в нынешнем виде может сказаться на сейсмичности бассейна Селенги и негативно повлияет на работу энергообъектов в России, включая каскад ГЭС на Ангаре [Прокопенков, 2022].

После выхода из проекта Всемирного банка в 2016 г. тема строительства ГЭС на Селенге на некоторое время улеглась, в том числе ввиду реализации в Монголии других энергопроектов. Однако, как показала Новая политика возрождения, для монгольской стороны вопрос не закрыт. Россия несколько раз предлагала альтернативное решение проблемы — поставку энергии с собственных энергообъектов по льготным ценам, но Монголию эти предложения не устроили. В том числе и потому, что такое решение не приведет к достижению обозначенной монголами цели, а именно увеличению энергетической самостоятельности.

Другим возможным решением является строительство при участии России ГЭС на монгольских реках, не входящих в бассейн Селенги, где подобные энергопроекты не навредят Байкалу (или даже предложенный монгольской стороной вариант, при котором по ГЭС на Селенге будут проведены дополнительные исследования, при необходимости доработаны проекты и станции все-таки будут построены, причем при участии российских компаний) [Бадмаев, Батомункуев, 2022: 21–36]. У российских специалистов

имеются все необходимые компетенции и технологии, необходимые для реализации проектов ГЭС, и монгольская сторона это признает, но в настоящее время совместных проектов по гидрогенерации в разработке пока нет. Еще один возможный выход — строительство в Монголии атомной станции, но и здесь есть свои подводные камни. По данному вопросу сторонам еще предстоит найти компромисс.

Атомная энергетика

Возможное строительство российскими специалистами атомной станции в Монголии — перспективное направление двустороннего сотрудничества в электроэнергетике. Монголия обладает собственными запасами урана, которые были разведаны и разрабатывались еще в советский период, но планы на строительство АЭС не были реализованы. С появлением АЭС малой мощности ситуация изменилась. Российская сторона обладает уникальными компетенциями и технологиями, а также опытом эксплуатации реакторов, которые могут стать основой для атомных электростанций малой мощности; речь, в частности, о реакторах «РИТМ-200», разработанных в ОКБМ им. И. И. Африкантова. Малые атомные электростанции имеют большой потенциал размещения в удаленных районах с неразвитой сетевой инфраструктурой, где не нужно возведение более мощных АЭС. И именно для Монголии, которая сейчас остро нуждается в новых энергетических мощностях на фоне экономического роста и постоянного увеличения спроса на энергию, это вполне жизнеспособный вариант. Еще одним позитивным доводом для монгольских властей и общества является тот факт, что в рамках Парижского соглашения по климату атомная энергия признана низкоэмиссионной. Таким образом, строительство АЭС соответствует намерению Монголии развивать низкоуглеродную энергетику в соответствии с климатической повесткой.

В начале 2023 г. ГК «Росатом» подписала с Комиссией по ядерной энергии Монголии Меморандум о сотрудничестве в области мирного атома. 15 июня 2023 г. на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) «Русатом — Международная Сеть» и монгольская КОО «Даян Дээрх Энержи» подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве в реализации энергетических проектов в области атомной, ветро- и гидроэнергетики, направленных на обеспечение энергонеизменчивости Монголии. Представители России и Монголии также обсуждали строительство на монгольской земле нескольких малых АЭС на заседании межправительственной комиссии в октябре 2023 г. Наконец, в рамках состоявшейся в Дубае XXVIII Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP28) в декабре 2023 г. «Росатом» и «Монатом» подписали меморандум о строительстве в Монголии «Росатомом» АЭС малой мощности, тем самым дав официальный старт переговорам по существу данного проекта.

На пути развития российско-монгольского сотрудничества в сфере атомной энергетики, конечно, имеются препятствия. В Монголии имеется достаточно сильное антиядерное движение, выступающее против как добычи урана, так и строительства АЭС. При этом активисты апеллируют как к опыту разработки урановых месторождений в Монголии (когда не принимались достаточные меры по охране труда, защите окружающей среды и населения от излучения — речь, в частности, о месторождении Мардай в аймаке Дорнод), так и к известным случаям аварий на ядерных объектах, включая последнюю крупную аварию на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. Этим антиядерным движениям в собственных целях могут оказывать поддержку политические силы в Монголии и за ее пределами, не заинтересованные в развитии российско-монгольских ядерных проектов. Прямую конкуренцию со стороны иностранных государств и компаний также следует учитывать. Например, французская компания *Orano*, специализирующаяся на производстве топлива для атомных электростанций, уже подписала с Монголией предварительное соглашение о разработке крупного уранового месторождения Зоовч-Овоо, в ходе визита президента Франции Э. Макрона в Монголию в мае 2023 г. обсуждался вопрос реализации французских проектов АЭС в Монголии. Противодействие возможно со стороны других государств «третьего соседа», в частности *G7*, поставивших перед собой цель по вытеснению России с мирового рынка гражданских ядерных технологий, равно как и со стороны других государств, располагающих развитыми технологиями в области мирного атома. Российской стороне следует учитывать эти факторы и правильно воспользоваться собственными преимуществами, чтобы довести свой проект в Монголии до стадии реализации и до успешного завершения.

Альтернативная энергетика

Широкое распространение в Монголии в последние годы получили проекты в области альтернативной энергетики, не относящиеся к ГЭС. В частности, речь идет о солнечных и ветряных электростанциях. В частности, такого рода проекты активно реализуют партнеры Монголии из числа стран «третьего соседа» и международные организации [Базарваань, 2013: 16–20]. Россия также проявляет интерес к сотрудничеству с Монголией в этом направлении, тем более что соответствующий опыт и технологии у российских компаний (включая Фонд развития ветроэнергетики и структуры ГК «Росатом») имеются. Тем не менее значимых совместных российско-монгольских энергопроектов в сфере альтернативной энергетики сейчас не реализуется, в своем взаимодействии стороны делают ставку на проекты по другим энергетическим направлениям.

Заключение

Российско-монгольское сотрудничество в сфере электроэнергетики – важное и перспективное направление развития двусторонних связей. В настоящее время основным направлением, по которому стороны развивают взаимодействие, является тепловая энергетика, к перспективным относятся модернизация энергосетевой инфраструктуры Монголии и атомная энергетика. На стороне российских специалистов – наличие обширных компетенций и уникальных технологий, традиционно дружественные российско-монгольские отношения (включая связи в энергетике), использование на монгольских энергообъектах знакомых россиянам оборудования и подходов к его эксплуатации. Если эти преимущества удастся должным образом реализовать, двустороннее сотрудничество в данной области имеет все шансы на активное развитие к выгоде обеих сторон, способствуя экономическому росту и укреплению энергетической безопасности как Российской Федерации, так и Монголии.

Список литературы

Бадмаев А. Г., Батомункуев В. С., 2022. Особенности развития возобновляемой энергетики в Республике Бурятия и Монголии // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Науки о Земле. Т. 41. С. 21–36. DOI: 10.26516/2073-3402.2022.41.21.

Базарваань Г., 2013. «Гуравдагч хорш»-ийн бодлогоо оргожууль [Расширение политики «Третьего соседа»] // Стратегийн судалгаа – The Mongolian journal of strategic studies. № 63. С. 16–20.

Грайворонский В. В., 2014. Монголия: светлые перспективы динамичного развития // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-svetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/?sphrase_id=142042920, дата обращения 18.05.2024.

Макаров А. В., Макарова Е. В., Андреев А. Б., 2020. Внешнеэкономические отношения Монголии на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. № 7. С. 79–92.

Родионов В. А., 2009. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 162.

Шурубович А. В., Пылин А. Г., 2021. Роль России в экономике и внешнеэкономических связях Монголии в современных условиях // ЭКО. № 4. С. 172–192. DOI: 10.30680/ESCO131-7652-2021-4-172-192.

Алифирова Е., 2023. Россия согласовала проект межправсоглашения с Монголией по проекту модернизации ТЭЦ-3 в г. Улан-Батор // <https://neftegaz.ru/>

news/energy/770701-rossiya-soglasovala-proekt-mezhpravsoglasheniya-s-mongoliey-po-proektu-modernizatsii-tets-3-v-g-ulan/, дата обращения 18.05.2024.

Прокопенков А., 2022. Чем грозит Байкалу новая монгольская ГЭС: общественники забили тревогу // <https://www.mk.ru/social/2022/11/17/chem-grozit-baykalu-novaya-mongolskaya-ges-obshhestvenniki-zabili-trevogu.html>, дата обращения 18.05.2024.

IGNATOV Ivan A., PhD in Historical Sciences, junior researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation

E-mail: sienar93@yandex.ru

SPIN-code: 1955-7430

ORCID: 0000-0002-5480-3488

RUSSIAN-MONGOLIAN COOPERATION IN THE ELECTRIC POWER INDUSTRY: PROBLEMS AND PROSPECTS

DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_16

Received: 20.05.2024.

For citation: *Ignatov I. A.*, 2024. Russian-Mongolian cooperation in the field of electric power industry: problems and prospects. – *Geeconomics of Energetics*. № 3 (27). P. 16–26. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_16

Keywords: Russia, Mongolia, electric power industry, energy sector, energy, cooperation, project, technology, the «third neighbor».

Abstract

This article is devoted to the study of existing problems and prospects for the development of cooperation between the Russian Federation and Mongolia in the field of electric power. The author briefly describes the history of the development of Russian-Mongolian relations in this area and current legal framework, another point of interest is the study of existing energy problems in Mongolia. Particular attention is paid to the advantages that the Russian side has in its energy cooperation with Mongolia. The author then analyzes the areas of cooperation between Russia and Mongolia in the field of electric power, specifically: thermal energy (the most important traditional area), development of electrical grid infrastructure, hydropower, nuclear energy and, finally, alternative energy. For each area, the author provides information about the degree of its development in Mongolia and the opportunities available to the Russian side while interacting with Mongolian partners. The article provides a list of the most significant, including those already implemented, those under development, or those with a promising future. In addition, the author studies the existing problems that hinder the deepening of Russian-Mongolian cooperation in the electric power industry, such as opposition from other states (primarily the so-called «third neighbor» countries) and unresolved contradictions regarding Mongolian hydroelectric power station projects in the Selenga River basin. The author concludes that if the Russian side properly realizes the available advantages, there are good chances to resolve the controversial issues and achieve success in the development of Russian-Mongolian cooperation in the electric power industry, thereby contributing to economic growth and strengthening energy security of both countries.

References

Badmaev A. G., Batomunkuev V. S., 2022. Features of the Development of Renewable Energy in the Republic of Buryatia and Mongolia // News of Irkutsk State University. Earth Science Series. Vol. 41. Pp. 21–36. DOI: 10.26516/2073-3402.2022.41.21. (In Russ.)

Bazarvaan G., 2013. «Guravdagch khorsh»-iin bodlogoo orgozhuule [Expansion of the «Third Neighbor» Policy] // Starategiin sudalgaa – The Mongolian journal of strategic studies. No. 63. Pp. 16–20. (In Mongol.)

Grayvoronskiy V. V., 2014. Mongolia: Bright Prospects for Dynamic Development // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-svetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/?sphrase_id=142042920. (In Russ.)

Makarov A. V., Makarova E. V., Andreev A. B., 2020. Mongolia's Foreign Economic Relations at the Current Stage of Development // Russian foreign economic journal. No. 7. Pp. 79–92. (In Russ.)

Rodionov V. A., 2009. Russia and Mongolia: a New Model of Relations at the Beginning of the 20th Century // Ulan-Ude: Buryat scientific center of the Siberian Branch of the RAS. P. 162. (In Russ.)

Shurubovich A. V., Pylin A. G., 2021. The Role of Russia in the Economy and Foreign Economic Relations of Mongolia in Modern Conditions // EKO. 2021. No. 4. Pp. 172–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-172-192. (In Russ.)

Olifirova E., 2023. Russia has agreed on a draft intergovernmental agreement with Mongolia on the modernization project of CHP-3 in Ulaanbaatar // <https://neftegaz.ru/news/energy/770701-rossiya-soglasovala-proekt-mezhpravsoglasheniya-s-mongoliey-po-proektu-modernizatsii-tets-3-v-g-ulan/>, accessed 18.05.2024. (In Russ.)

Prokopenkov A., 2022. What threatens Baikal with the new Mongolian hydroelectric power plant: public activists sounded the alarm // <https://www.mk.ru/social/2022/11/17/chem-grozit-baykalu-novaya-mongolskaya-ges-obshhestvenniki-zabili-trevogu.html>, accessed 18.05.2024. (In Russ.)

Святослав НИКИФОРОВ

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Дата поступления в редакцию: 02.05.2024.

Для цитирования: *Никифоров С. В.*, 2024. Перспективные направления развития российско-монгольских отношений с точки зрения цивилизационной политологии. – *Геоэкономика энергетики*. № 3 (27). С. 27–41. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_27

Текущее противостояние России с коллективным Западом вынуждает уделить внимание странам Востока, в судьбе которых Россия сыграла когда-то ключевую роль и которые, к сожалению, решила однажды покинуть. Одной из таких держав является Монголия. История российско-монгольских отношений является наглядной иллюстрацией влияния цивилизационного фактора на ход политических процессов. Для того чтобы учесть данный фактор для более эффективного развития двусторонних отношений на современном этапе их развития, необходимо определить основные направления развития двустороннего сотрудничества, прибегнув как к анализу ключевых двусторонних политико-правовых регулятивных документов, так и к положениям цивилизационного подхода, что и является целью данной статьи. С помощью методологии цивилизационной политологии в статье рассматриваются и определяются основные и возможные направления развития российско-монгольских отно-

НИКИФОРОВ Святослав Вадимович, кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: ursus-arktos@yandex.ru. SPIN-код: 2443-1245. ORCID: 0000-0003-3842-4848.

Ключевые слова: цивилизационная политология, российско-монгольские отношения, государство-цивилизация, цивилизационная безопасность, межкультурное сотрудничество, публичная дипломатия, внешняя политика, цивилизационная идентичность.

шений на ближайшую перспективу, выявляются основные проблемы и предлагаются способы их решения. Особый акцент делается на тех направлениях сотрудничества, которые можно считать цивилизационными. Рассматривается взаимодействие по линии публичной дипломатии. Устанавливается необходимость привлечения представителей бизнеса, целого ряда государственных ведомств, а также общественности для достижения значимых результатов по данному вопросу. Констатируется инертность и противоречивость в отношении монгольской стороны к двусторонним проектам, определяются контуры проблемы благожелательного нейтралитета Монголии по отношению к странам «третьего соседа», и прежде всего США. По результатам проведенного исследования дается оценка перспективам использования цивилизационного фактора в развитии двусторонних отношений России и Монголии и той роли, которую он может сыграть в формировании многополярного миропорядка. В заключении делается вывод о том, насколько эффективным может оказаться возвращение России в Монголию, укрепление российского присутствия при придании двусторонним отношениям нового цивилизационного измерения. Уточняется, основой чему могут служить основополагающие акты двух стран, определяющие основные направления внешней политики и выстраивающие контуры национальной безопасности.

Введение

Основополагающие акты, определяющие основы внешней политики России и Монголии, содержат положения, де-юре (в случае с Россией) и де-факто (в случае с Монголией) провозглашающие Россию и Монголию государствами-цивилизациями. В российской Концепции внешней политики данное положение сформулировано прямым текстом¹, а в Концепции национальной безопасности и Концепции внешней политики Монголии можно толковать провозглашение Монголии государством-цивилизацией за счет наличия таких терминов, как «цивилизационная безопасность»² и «развитие [монгольской] цивилизации»³.

Следуют ли российско-монгольские двусторонние договоры ключевым положениям фундаментальных документов в области внешней политики двух стран? Для того чтобы ответить на данный вопрос, нужно обратиться к различным концепциям цивилизационного подхода, чтобы выделить те

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru>, дата обращения 25.03.2024.

² Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал. [Концепция национальной безопасности Монголии] // <https://mfa.gov.mn/монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы>, дата обращения 25.03.2024.

³ Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал. Тав. Соёл, хүмүүнлэгийн гадаад харилцааны бодлого [Концепция внешней политики Монголии. (Часть) пятая. Внешняя политика в области культуры и гуманитарного сотрудничества] // <https://mfa.gov.mn/documentation/55655>, дата обращения 25.03.2024.

сферы отношений, которые в первую очередь могут быть соотнесены с цивилизационным фактором в рамках политического анализа. Определив те сферы отношений, которые выделяют теоретики в качестве цивилизационных, возможно выявить, насколько сильно они затронуты в действующих двусторонних договорах России и Монголии, и определить ключевые особенности и проблемы развития двусторонних отношений, уровень представленности цивилизационного фактора в действующей регулятивной базе.

Концепции цивилизационного подхода и сферы отношений, соотнесенные с цивилизационным фактором в рамках политического анализа

А. Тойнби указывает на существование 21 локальной цивилизации, при этом он закладывает в основу классификации религиозно-культурную идентичность [Тойнби, 2006]. Согласно теоретическим воззрениям О. Шпенглера, культура понимается в качестве основного субъекта того, что сейчас мы привыкли вслед за А. Тойнби рассматривать в качестве цивилизационного процесса. По мнению О. Шпенглера, культура — саморазвивающаяся система, живой организм, а цивилизация — лишь финальный этап ее развития, предшествующий смерти: «Культура и цивилизация — это живое тело душевности и ее мумия» [Шпенглер, 1993: 538]. Н. Я. Данилевский говорит о том, что цивилизация свойственна всем культурно-историческим типам, которые сегодня понимают во многом как отдельные цивилизации, и ставит во главу угла тем самым историческую судьбу отдельных культурно-исторических типов [Данилевский, 2008: 113]. Для Л. Н. Гумилева суперэтнос фактически замещает то, что под культурой понимал О. Шпенглер и под культурно-историческим типом — Н. Я. Данилевский. Тем самым ученым на первое место ставятся этническая общность и межэтническое взаимодействие в рамках общей цивилизационной системы [Гумилев, 1994]. П. Сорокин выводит на первый план де-факто идейную и идеологическую составляющую, выражающую ценностные установки отдельных культурных типов, которые он также частично соотносит с цивилизациями [Сорокин, 2006: 61–66].

При этом важно отметить, что большинство перечисленных выше факторов учитываются всеми сторонниками цивилизационного подхода в качестве критериев цивилизационной идентичности. Дискуссия ведется между ними прежде всего о том, какой из критериев является основным и какой термин в наибольшей степени подходит для определения природы локальной цивилизации. В то же время роль исторической общности и вмещающего ландшафта (месторождения и месторазвития цивилизаций) подчеркивается практически всеми исследователями.

Таким образом, основываясь на теоретическом багаже цивилизационного подхода, можно выделить те сферы отношений, которые могут рассма-

триваться как соотносимые с цивилизационным фактором в политическом анализе двусторонних договоров России и Монголии. К ним относятся межгосударственная и публичная дипломатия в гуманитарной сфере, а именно межконфессиональный диалог, межкультурный и межэтнический, вытекающие из них вопросы миграции, деятельности неправительственных организаций (НПО), регулирующих социальные, культурные, этнические и религиозные вопросы. Также это сферы защиты и развития цивилизационного наследия: сохранения исторической памяти, родного языка, ценностей, считающихся цивилизацией традиционными и значимыми для сохранения цивилизационной идентичности. Кроме того, к сфере цивилизационного поля могут быть отнесены продвижение современных культурных достижений той или иной цивилизации посредством искусства и индустрии развлечений, информационных технологий, а также сотрудничества в области науки и образования. Помимо всего прочего, к цивилизационным вопросам могут быть отнесены те, что связаны с развитием приграничного сотрудничества государств, ввиду того что географически приграничные регионы, как правило, являются узлами переплетения пространства различных цивилизаций, а также вопросы туризма, миграции и экологии, напрямую влияющие на фактор вмещающего ландшафта цивилизации.

Изучив международные договоры и акты мягкого права, принятые для регулирования российско-монгольских отношений в XXI в., можно отметить, что цивилизационный дискурс в них продвигается весьма скупое. В Московской декларации 2006 г. указывается, что «Россия и Монголия подчеркивают необходимость уважения культурно-цивилизационного многообразия современного мира»⁴. В Улан-Баторской декларации 2009 г. также говорится, что страны «подтвердили необходимость... развития межцивилизационного, межкультурного и межконфессионального диалогов как эффективных инструментов пресечения террористической идеологии»⁵. На региональном уровне межцивилизационное взаимодействие обозначено в ст. 9 Договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве 2019 г. В нем границы «межцивилизационного, межкультурного и межконфессионального диалогов между государствами региона» расчерчены весьма объемно: «пространство Евразии» и «Азиатско-Тихоокеанский регион»⁶.

⁴ Московская декларация от 8 декабря 2006 г. // https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskikh-otnoshenij/-/asset_publisher/xut60ysypd60/content/moskovskaa-deklaracia-ot-8-dekabra-2006-g-, дата обращения 25.03.2024.

⁵ Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25 августа 2009 г.) // <https://base.garant.ru/2569669/?ysclid=luqpd3525p817620587>, дата обращения 25.03.2024.

⁶ Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600/, дата обращения 25.03.2024.

С цивилизационной и исторической точек зрения, вероятно, участие Монголии и развитие российско-монгольского сотрудничества на площадках региональных и межрегиональных организаций и объединений, таких как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и БРИКС (или взаимодействия с ними), как для Монголии — страны, представляющей цивилизацию, определившую ход истории всей Евразии, так и для государств-членов является закономерным в силу того факта, что монгольская цивилизация значительно повлияла на развитие стран и народов всей Евразии, и прежде всего тех территорий, что составляют основу объединения БРИКС и ШОС. Также в развитие концепции нейтралитета внешней политики Монголии и защиты ее национального суверенитета логичным шагом для Монголии представляется продвижение (вполне возможно — вместе с Россией) идеи обеспечения цивилизационной безопасности в данных международных организациях и объединениях.

Необходимо отметить, что часть положений двусторонних договоров и деклараций касается цивилизационной проблематики, например регулирования сотрудничества России и Монголии в области гуманитарных отношений, в частности в сферах культуры, науки и образования. Также к цивилизационной проблематике относятся вопросы, затрагивающие проблемы развития межконфессионального, межэтнического и межкультурного диалога, а помимо них — развития сотрудничества приграничных регионов России и Монголии. Однако в целом межцивилизационное взаимодействие представлено в российско-монгольских договорах и актах скорее бессистемно и в очень ограниченном виде.

Способы интенсификации российско-монгольского сотрудничества

Интенсифицировать российско-монгольское сотрудничество можно посредством активизации взаимодействия в тех сферах, которые могут в тон основополагающим внешнеполитическим актам двух государств способствовать развитию межцивилизационного взаимодействия России и Монголии. Можно предложить ряд проектов в отдельных областях межцивилизационного взаимодействия:

1. Вмещающий ландшафт и экология. Совместные программы по освоению и сбережению природного наследия и созданию совместных проектов, направленных на защиту экологической безопасности приграничных регионов двух государств. Например, строительство «Росатомом» малых АЭС или создание сети малых ГЭС при участии российских ученых и предпринимателей на территории Монголии, которые могли бы снизить риски для экологии Байкала, став альтернативой реализации монгольского проекта строительства крупной ГЭС на реке Селенга, являющейся крупнейшим притоком озера Байкал. Также в этом ключе можно рассматривать потен-

циальное взаимодействие двух государств и бизнеса России и Монголии, например, в области строительства ветряных и солнечных электростанций.

Отдельным подпунктом можно выделить развитие инфраструктуры. Модернизация и расширение УБЖД, автомобильных путей, аэросообщения, возможно с использованием малой авиации между приграничными регионами двух стран, — все это может способствовать укреплению связей между гражданами России и Монголии, двустороннему туризму, а также реализации сопряжения ЕАЭС и китайского проекта «Пояса и пути», а значит, позволит в перспективе объединить в единую инфраструктурную систему территории, когда-то входившие в состав Монгольской империи, и способствовать интенсификации сотрудничества не только на уровне российско-монгольских отношений, но и в рамках треугольника Россия — Монголия — Китай и конкретно экономического коридора трех стран. Также интересным может представляться развитие логистических маршрутов, могущих присоединить к экономическому коридору транспортную сеть КНДР, отношения которой со всеми тремя странами находятся на высоком уровне.

2. Историческое наследие, цивилизационная безопасность в настоящем и построение будущего многополярного мира государств-цивилизаций. Данное направление связано с сохранением памяти о единстве исторического прошлого русской и монгольской цивилизаций, борьбе с искажением истории и мифами. С этой целью предлагается, например, разработать совместные учебники истории на русском и монгольском языках, продвигать просветительские проекты о российско-монгольской дружбе в формате книг, интернет-журналов, документальных фильмов и т. д.

Необходимо расширить финансирование выступлений отечественных культурных деятелей, публицистов, политических экспертов, ученых в Монголии, так же как и монгольских в России. Важно усилить поддержку российских и российско-монгольских общественных, неправительственных организаций, способствующих сохранению российского присутствия в Монголии. Начать кампании по популяризации русского языка за рубежом, по продвижению образа Российской Федерации как защитницы международного правопорядка и международного права, традиционных ценностей и исторической памяти, державы, борющейся с неокOLONиализмом и исторически защищающей суверенитет народов Евразии, в том числе Монголии. С этой целью можно создать СМИ, осуществляющие вещание на монгольском языке и способные донести российский взгляд на происходящие события в мире, Монголии и России (условного *RT Mongolia*).

3. Межэтническое взаимодействие: приграничное сотрудничество, миграция и туризм. Усиление роли межрегионального сотрудничества с участием Бурятии и Тувы, а также Калмыкии по линии межкультурного взаимодействия. Представляя Бурятию, Туву и Калмыкию как места сопря-

жения межцивилизационных узлов, объединяющих русский и монгольский миры, можно выработать новое направление развития межцивилизационного диалога и идеологическую основу взаимодействия России и Монголии, которая способна оказаться в большей степени привлекательной для граждан Монголии, чем глобалистская повестка США и их сателлитов. Традиционные ценности, общность исторического, цивилизационного, отчасти этнического прошлого, соединения монгольской и русской цивилизации, наследие Монгольской империи — все это образы, способные в том числе стать брендами для привлечения миграции в приграничные регионы России и Монголии, а также для развития совместных туристических и рекреационных проектов, например в формате глэмпинг-отелей.

4. Межконфессиональный диалог. Необходимо активизировать сотрудничество буддийских, христианских и мусульманских религиозных организаций России и Монголии для противопоставления тысячам религиозных НПО «третьего соседа», работающих в Монголии. Нужна поддержка мероприятий, подобных всемирному буддистскому форуму, при этом важно сделать их постоянными и, желательно, проходящими как на территории России, так и в Монголии, с постоянным участием обширных делегаций из двух стран. Нужно установить тесные связи между религиозными общинами России и Монголии, продвигать их как религиозный диалог и отчасти религиозное единство граждан двух стран.

5. Межкультурное взаимодействие и расширение российского присутствия в Монголии. Крайне актуальной представляется задача продвижения отечественной культурной продукции в Монголии на монгольском языке, причем самого широкого профиля. Важен перевод на монгольский язык патристических и освещающих значимые события, просто качественных и интересных российских фильмов, книг (издаются ли на монгольском языке Захар Прилепин и Сергей Лукьяненко?), мультфильмов (в частности, работы «Союзмультфильма», «Мельницы» и «Рики»), комиксов (например, издательства *Bubble*) и видеоигр (как частных и авторских проектов, например «Кужлевки», «Саньки», *Atomic Heart*, так и проектов, создаваемых под эгидой Института развития интернета), способных популяризировать русскую культуру в Монголии, а также принятие соответствующего культурного обмена с монгольской стороны. Следует отметить, что, к сожалению, большинство современных монголов не владеют русским языком, поэтому перевод культурной продукции на монгольский — необходимость, которая в будущем сможет послужить в том числе и появлению интереса к изучению русского языка среди граждан Монголии.

Отдельно стоит обозначить и взаимодействие в информационном пространстве. Ключевым стимулом к укреплению российского присутствия в Монголии может стать сотрудничество в третичном секторе посредством экспорта отечественных цифровых сервисов в монгольское киберпро-

странство. Как минимум столица Монголии, город Улан-Батор, зависима от современных информационных сервисов и интернета. Делегации крупных западных корпораций, таких как признанная в России экстремистской организацией *Meta Platforms*, которой принадлежат *Facebook* и *Instagram*, принимаются монгольской стороной практически на уровне официальных дипломатических делегаций. В этой связи достаточно важным и перспективным выглядит привлечение крупных российских кампаний из IT-индустрии, таких как «Лаборатория Касперского», «Яндекс», *VK Company Limited*, Сбер и т. д. Во многом при не столь значительных затратах, каких требуют «физические» предприятия, цифровые кампании могут активно поспособствовать также и продвижению российской культуры в Монголии посредством своих цифровых сервисов.

Проблемы развития российско-монгольского сотрудничества

Перечисленные выше проекты могут быть осуществимы, однако им мешает целый ряд проблем развития российско-монгольского сотрудничества:

1. Россия ушла из Монголии в 1990-х годах и продолжила уходить в начале XXI в. Эта проблема основная, и все прочие из нее вытекают. В последние годы доля российских инвестиций в Монголию продолжает сокращаться и в сравнении с КНР или странами «третьего соседа» является незначительной. После продажи ГОК «Эрдэнэт», занимающего из года в год лидирующие позиции в рейтинге самых значимых для Монголии предприятий, за исключением УБЖД, в Монголии отсутствуют крупные совместные российско-монгольские предприятия. В то время как свой капитал, в том числе и по линии публичной дипломатии, активно использует «третий сосед»⁷, и прежде всего США и их союзники в желании отдалить Монголию от России. В последние годы фактически можно констатировать доминирование прозападной оценки России в монгольских СМИ. Например, крайне показательным является освещение СВО в Монголии, во многом строящееся на цитировании источников с Украины и из стран коллективного Запада, а также присутствие откровенно проамериканских позиций среди ряда монгольских политиков и экспертов в публичном информационном пространстве при отсутствии в нем же пророссийских точек зрения. При этом, конечно, необходимо отметить, что Монголия не присоединилась к режиму антироссийских санкций, инициированному США, и в последние

⁷ Гуравдагч хөршийн бодлого [Политика «третьего соседа»] // <https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82-%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BB%D1%86%D0%B0%D0%B0/third-neighbors>, дата обращения 25.03.2024.

месяцы выразила намерение к возобновлению переговоров, в том числе по заключению соглашения о свободной торговле с ЕАЭС. Вместе с тем все же монгольская сторона в последние годы чаще предпочитает развивать сотрудничество со странами «третьего соседа», чем с Россией, в том числе по линии научного сотрудничества, культурной, публичной дипломатии. Соответственно, перед Россией возникает задача по слову данной тенденции.

2. Низкий приоритет Монголии в Концепции внешней политики России и в практике дипломатических отношений последних лет. Причины понятны. Во многом в большей степени благожелательный к «третьему соседу», нежели чем к России, нейтралитет Монголии на фоне противостояния с США и их сателлитами не способствовал новому всплеску в развитии двусторонних отношений, сопоставимых с тем, что переживают сейчас отношения России с КНР, Ираном, Индией и КНДР. Вероятно, все это привело к утрате Монголией отдельного пункта в актуальной Концепции внешней политики России вкупе с заключением Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, взявшим на себя основную регулятивную нагрузку. Вместе с тем сама Монголия достаточно болезненно восприняла данный факт, и, вероятно, Россия может расположить монгольскую сторону, указав Монголию в качестве одного из приоритетов внешней политики России. Вместе с тем необходимо, чтобы данный шаг был основан на взаимности, например чтобы монгольское правительство не оказывало сопротивления реализации совместных проектов и представлению российской позиции в монгольских СМИ, а быть может, и было готово оказать содействие в данных вопросах.

При этом у России есть все основания для приоритизации монгольского вектора внешней политики, в том числе в силу исторической важности и политико-идеологического значения Монголии. Позиционирование России как наследницы и преемницы Монгольской империи для народов Центральной Евразии и Восточной Азии является хорошей основой для развития сотрудничества на современном историческом этапе, не говоря уже о позитивном наследии советской эпохи. Для продвижения подобного образа России необходима Монголия — друг, а в идеале — союзник.

Вместе с тем для реализации крупных проектов, затрагиваемых цивилизационным пространством, необходима скоординированная работа целого ряда профильных ведомств и организаций, МИДа, Россотрудничества, Минкультуры, ряда общественных объединений, а также крупного и малого отечественного бизнеса, властей субъектов Российской Федерации, а также религиозных организаций и отдельных деятелей науки, культуры, СМИ и в целом российской общественности. Соответственно, встает вопрос о налаживании координации всех участников данного процесса, не говоря уже о необходимости в идеале выстраивания схожего механизма с монгольской стороны.

3. Слабая заинтересованность российского бизнеса в расширении присутствия в Монголии. Проблема связана с отсутствием гарантий реализации договоренностей с монгольской стороны. Материальный стимул со стороны Китая более значителен, а у «третьего соседа» есть рычаги политического давления. Исходя из этого вновь необходимо подчеркнуть важность налаживания межведомственного взаимодействия, а также сотрудничества государства с общественниками и бизнесом, заинтересованным в развитии отношений России и Монголии. Также не стоит бояться проблематики цивилизационной общности Монголии и народов Бурятии, Калмыкии и Тувы — напротив, следует использовать ее для развития российско-монгольского сотрудничества по линии публичной дипломатии, межрегионального и международного сотрудничества наравне с межкультурным взаимодействием российской и монгольской цивилизаций.

Можно, помимо создания новых крупных совместных предприятий, рассмотреть проекты создания множества малых совместных компаний в приграничных регионах двух стран и дать больше свободы в этом вопросе региональным органам власти субъектов России и/или простимулировать их интерес к подобного рода совместным проектам.

4. Противоречия внутри Монголии общества и политической элиты. В силу особенностей политической системы современная монгольская элита действует, прежде всего исходя из соображений экономической и кратковременной политической выгоды, способной принести победу на очередном витке выборного цикла и укрепить экономическое положение. Однако ввиду ориентации на разных соседей, как традиционных, географических, так и новых — стран «третьего соседа», — интересы политической элиты Монголии часто пересекаются и приводят к постоянным скандалам и конфликтам, которые пока что не ведут к крупным внутривнутриполитическим потрясениям, однако могут использоваться для создания таковых в будущем посредством сети НПО, созданных США и их союзниками в Монголии. Такое возможно, например, в случае определения позиции Монголии по членству в ШОС, поскольку благодаря активной деятельности «третьего соседа» примерно половина монгольского общества боится укрепления сотрудничества с данной организацией из-за потери части отношений с США и их сателлитами. России, возможно, совместно с КНР следует способствовать расположению монгольского общественного мнения к вступлению в ШОС, БРИКС и иные значимые объединения для того, чтобы решить данную проблему.

5. Монгольская сторона в последние годы сама, находясь под давлением или же осознанно идя навстречу интересам «третьего соседа», готова жертвовать отношениями с Россией, быть может, до определенной степени. Как уже было отмечено выше, в последние годы монгольская сторона сама демонстративно стремилась показать, что не так сильно заинтересована в развитии отношений с Россией. Отдавала приоритет сотрудничеству — хоть формальному, хоть пуб-

лично-дипломатическому — с «третьим соседом», но не с Россией. Понятно, что мы не можем выделить столько денег для экономической экспансии в Монголию, сколько выделяет Китай, но мы можем и должны соперничать с «третьим соседом» на фронте публичной дипломатии и способствовать формированию экономической основы двустороннего сотрудничества, возвращению в Монголию русского бизнеса. Новые крупные и малые совместные предприятия могут стать основой такого сотрудничества, так же как и свежий приток российских специалистов в Монголию для работы на них. Однако без сопутствующей культурной экспансии и действенного развития межкультурного диалога в самом широком смысле ситуацию с засильем «третьего соседа» «в монгольских умах» будет очень тяжело переломить.

5. Слабая инициативность монгольских партнеров. Желание получить наиболее значимый результат при минимуме вложенных усилий и взятых на себя обязательств. К сожалению, Монголия является крайне пассивным деловым партнером. Возможно, именно внесение цивилизационного дискурса в двусторонний диалог способно придать новый импульс российско-монгольскому сотрудничеству. Теоретические основания цивилизационного подхода позволяют предположить, что историчность и значимость Монголии в цивилизационном пространстве, продвижение цивилизационного дискурса способны сделать монгольскую сторону более инициативной. В частности, продвижение идеи межкультурного сотрудничества по целому спектру практических вопросов, подкрепленных экономическим взаимодействием в третичном секторе, продвижение повестки цивилизационной безопасности, исторической роли монгольской цивилизации в системе международных отношений Евразии и мира способны дать новое измерение российско-монгольскому сотрудничеству, установив в качестве цивилизационных приоритетов заключение соглашения о свободной торговле с ЕАЭС, вступление Монголии в БРИКС и продвижение идеи членства Монголии в ШОС, а также стать идейной основой поддержки пророссийских монгольских политиков и экспертов.

Заключение

Таким образом, при скоординированной работе ключевых участников официальной и народной дипломатии на цивилизационном фронте Россия может вернуться в Монголию по целому ряду направлений, несущих и экономическую, и геополитическую, и гуманитарную выгоду. Однако для этого нужна как политическая воля, так и смелость придать двусторонним отношениям новое цивилизационное измерение вслед за основополагающими актами России и Монголии, определяющими основные направления внешней политики двух стран и закладывающими основы обеспечения их национальной и цивилизационной безопасности.

Список литературы

Гумилев Л. Н., 1994. Сочинения. Этногенез и биосфера Земли. М.: Библ. информ. объединение «Танаис»: ДИ-ДИК. 637 с. // <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe02.htm#ebe02chapter09>, дата обращения 24.03.2024.

Данилевский Н. Я., 2008. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М: Ин-т рус. цивилизации. 816 с.

Сорокин П. А., 2006. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель. 1193 с.

Тойнби А., 2006. Постигжение истории. М.: Айрис-Пресс. 637 с.

Шпенглер О., 1993. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль. 666 с.

Гуравдагч хөршийн бодлого. [Политика «третьего соседа»] // <https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82-%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BB%D1%86%D0%B0%D0%B0/third-neighbors>, дата обращения 25.03.2024.

Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25 августа 2009 г.) // <https://base.garant.ru/2569669/?ysclid=luqpd3525p817620587>, дата обращения 25.03.2024.

Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600/, дата обращения 25.03.2024.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru>, дата обращения 25.03.2024.

Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал. Тав. Соел, хүмүүнлэгийн гадаад харилцааны бодлого [Концепция внешней политики Монголии. (Часть) Пятая. Внешняя политика в области культуры и гуманитарного сотрудничества] // <https://mfa.gov.mn/documentation/55655>, дата обращения 25.03.2024.

Монгол улсын үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал. [Концепция национальной безопасности Монголии] // <https://mfa.gov.mn/монгол-улсын-үндэсний-аюулгүй-байдлы>, дата обращения 25.03.2024.

Московская декларация от 8 декабря 2006 г. // https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskikh-otnoshenij/-/asset_publisher/xut60ysypd60/content/moskovskaa-deklaracia-ot-8-dekabra-2006-g-, дата обращения 25.03.2024.

NIKIFOROV Svyatoslav V., Candidate of Pedagogical Sciences, Candidate of Law, Senior Researcher at the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Address: 24/35 building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation

E-mail: ursus-arktos@yandex.ru

SPIN-code: 2443-1245

ORCID: 0000-0003-3842-4848

PROMISING DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS FROM THE POINT OF VIEW OF CIVILIZATIONAL POLITICAL SCIENCE

DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_27

Received: 02.05.2024.

For citation: *Nikiforov S. V.*, 2024. Promising directions for the development of Russian-Mongolian relations from the point of view of civilizational political science. – *Goeconomics of Energetics*. № 3 (27). P. 27–41. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_27

Keywords: civilizational political science, Russian-Mongolian relations, state-civilization, civilizational security, intercivilizational cooperation, public diplomacy, foreign policy, civilizational identity.

Abstract

Russia's current confrontation with the collective West forces us to pay attention to the countries of the East, in whose fate Russia once played a key role and which, unfortunately, it has decided one day to leave. One such power is Mongolia. The history of Russian-Mongolian relations is a clear illustration of the influence of the civilizational factor on the course of political processes. In order to take into account this factor for more effective development of bilateral relations at the current stage, it is necessary to identify the main directions of bilateral cooperation development, resorting both to the analysis of key bilateral political and legal regulatory documents and the provisions of the civilizational approach, which is the purpose of this article.

Using the methodology of civilizational political science, the article examines and defines the main and possible directions for the development of Russian-Mongolian relations in the near future, identifies the main problems and suggests ways to solve them. Special emphasis is placed on those areas of cooperation that can be considered «civilizational». Interaction through public diplomacy is con-

sidered. It establishes the need to involve representatives of business, a number of government departments, as well as the public in order to achieve significant results. The inertia and inconsistency in the attitude of the Mongolian side towards bilateral projects are stated, the contours of the problem of Mongolia's benevolent neutrality towards the countries of the Third Neighbor, and above all the United States, are determined. Based on the results of the study, the prospects of using the civilizational factor in the development of bilateral relations between Russia and Mongolia and the role it can play in the formation of a multipolar world order are assessed. The conclusion is made about how effective Russia's return to Mongolia and strengthening of the Russian presence can be when giving bilateral relations a new civilizational dimension. It is specified that the fundamental acts of the two countries, which determine the main directions of foreign policy and build the contours of national security, can serve as a basis for this.

References

Gumilev L. N., 1994. Essays. Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth. M.: Tanais. 637 p. // <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe02.htm#ebe02chapter09>, accessed 24.03.2024. (In Russ.)

Danilevsky N. Ya., 2008. Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the German-Roman World. Moscow: Institute of Russian Civilization. 816 p. (In Russ.)

Sorokin P. A., 2006. Social and Cultural Dynamics. M.: Astrel. 1193 p. (In Russ.)

Toynbee A., 2006. A Study of History. Moscow: Iris-Press. 637 p. (In Russ.)

Spengler O., 1993. The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History. M: Thought. 666 p. (In Russ.)

Declaration on the Development of Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia (Ulaanbaatar, August 25, 2009) // <https://base.garant.ru/2569669/?ysclid=luqpd3525p817620587>, accessed 25.03.2024. (In Russ.)

Treaty on Friendly Relations and Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and Mongolia // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600/, accessed 25.03.2024. (In Russ.)

The concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru>, accessed 25.03.2024. (In Russ.)

The policy of the Third Neighbor // <https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82-%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BB%D1%86%D0%B0%D0%B0/third-neighbors>, accessed 25.03.2024. (In Mongol.)

The concept of Mongolia's foreign policy. (Part) The fifth. Foreign policy in the field of culture and humanitarian cooperation // <https://mfa.gov.mn/documentation/55655>, accessed 25.03.2024. (In Mongol.)

The concept of National security of Mongolia // <https://mfa.gov.mn/монгол-ул-сын-үндэсний-аюулгүй-байдлы>, accessed 25.03.2024. (In Mongol.)

Moscow Declaration of December 8, 2006 // https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskih-otnosenij/-/asset_publisher/xut60ysypd60/content/moskovskaa-deklaracia-ot-8-dekabra-2006-g-, accessed 25.03.2024. (In Russ.)

Арсений ФАРТЫШЕВ

Леонид БЕЗРУКОВ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ МОНГОЛИИ: ВНУТРИКОНТИНЕНТАЛЬНОСТЬ, ПУНКТЫ ПРОПУСКА И ОСОБЕННОСТИ ЛОГИСТИКИ

Дата поступления в редакцию: 24.06.2024.

Для цитирования: *Фартышев А. Н., Безруков Л. А., 2024. Географическая структура внешней торговли Монголии: внутриконтинентальность, пункты пропуска и особенности логистики. – Геоэкономика энергетики. № 3 (27). С. 42–57. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_42*

Внешнеторговая деятельность является одним из тех явлений, которые наиболее подвержены эффекту так называемого трения пространства. В статье представлен обзор географической структуры экспорта и импорта Монголии по зонам удаленности, что показывает критическое влияние внутриконтинентального положения. При рассмотрении распределения импорта и экспорта с учетом степени передела продукции выявляется, что готовая продукция имеет более распределенный вид по зонам удаленности, в то же время сырье идет преимущественно только в ближайшую зону удаленности. Приведена статистика транспортабельности товара, понимаемой как цена на единицу веса,

ФАРТЫШЕВ Арсений Николаевич, кандидат географических наук, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. Адрес: Российская Федерация, г. Иркутск, 664033, ул. Улан-Баторская, д. 1. E-mail: fartyshhev.an@gmail.com. SPIN-код: 7695-6684. ORCID: 0000-0002-5392-8633.

БЕЗРУКОВ Леонид Алексеевич, доктор географических наук, главный научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск). Адрес: Российская Федерация, г. Иркутск, 664033, ул. Улан-Баторская, д. 1. E-mail: bezrukov@irigs.irk.ru. SPIN-код: 2736-1601. ORCID: 0000-0003-3459-8488.

Ключевые слова: экономическая география, внешнеторговая статистика, импорт-экспорт, транспортабельность, пункты пограничного перехода, логистические схемы, транспортировка угля, Таван-Толгой, медная промышленность, Ою-Толгой.

и распределения по зонам удаленности по пунктам пограничного пропуска. Выводится, что наиболее ценный груз проходит именно через пограничные пункты с Россией («Алтанбулаг»), в то время как через монгольско-китайские пункты «Гашуун-Сухайт» и «Замын-Ууд» проходит сырьевая низкотранспортабельная продукция, направляемая преимущественно в ближайшую зону (уголь, медь). По полевым исследованиям выявлены особенности логистических схем доставки угля в Китай с месторождения Таван-Толгой, заключающиеся в доставке автопоездами либо железной дорогой в контейнерах, что упрощает процесс перевалки и нивелирует барьерный фактор разницы ширины железнодорожной колеи между Монголией и Китаем. В меднодобывающей промышленности Россия и Монголия вступают в конкуренцию параллельной разработкой своих крупнейших медно-золотоносных резервов. В целях диверсификации внешней торговли Монголии и снижения ее экономической зависимости от Китая необходимо наращивать переработку сырьевого экспорта в готовую продукцию, что возможно сделать с помощью российских высокотехнологических компаний.

Введение

Данный доклад представляется одним из результатов проекта, реализовывавшегося в 2020–2024 гг. совместно монгольской стороной (грант РФФИ и монгольского Министерства образования, культуры и науки) и Институтом географии им. В. Б. Сочавы СО РАН в Иркутске, где партнером выступал Институт географии и геоэкологии Монгольской академии наук.

В ходе академической дискуссии уже неоднократно говорилось о том, насколько уникально географическое положение Монголии (например, [Балжинням, Якобсон, 2009; Демина, 2018; Якушев, 2010]) и как оно влияет на географию внешней торговли [Безруков, Фартышев, 2022а; Демина, 2018]. Помимо политических факторов, о которых уже были публикации в журнале «Геоэкономика энергетики» [Егоров, Белоногова, 2024; Харитонова, 2022], имеет место влияние таких особенностей географического положения, как близость крупнейших экономических центров, выход к морю, наличие природных барьеров между странами и другое. Особенно явно это наблюдается при анализе географической структуры внешней торговли именно внутри континентальных стран — собственно, Монголия такой и является, поскольку имеются проблемы с выходом товаров на рынок из-за транспортного коммуникационного фактора, который и рассматривается в нашем докладе. Между тем транспортная составляющая цены и многих товаров, надо заметить, все еще достигает значительных размеров, в связи с чем транспортные издержки по-прежнему сохраняют большое значение в формировании международных и межрегиональных хозяйственных связей.

На рисунке 1 представлены фундаментальные географические закономерности транспортной географии, когда становится выгодна перевозка именно автомобильным, железнодорожным и морским транспортом.

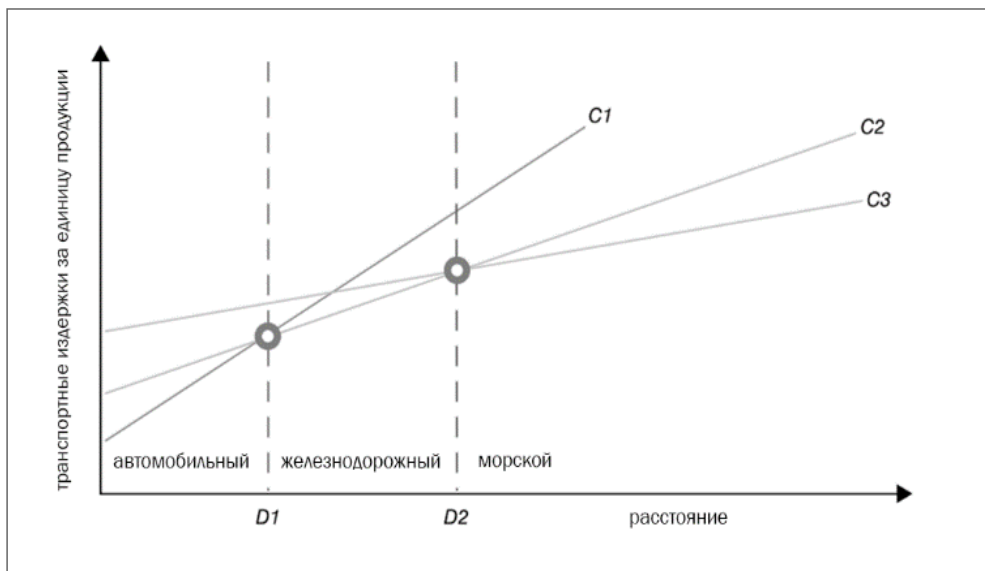

Рис. 1. Зависимость выгодности способа транспортировки от транспортных издержек и расстояния

Источник: [Rodrigue, Comtois, Slack, 2016]

Другой фундаментальный закон экономической географии — континентальная экономическая дихотомия, которая рассматривает пространство как величину транспортных издержек между сухопутными и морскими, что накладывает особенности протекания экономических процессов в зависимости от степени удаления от круглогодичных морских портов. К тому же морские перевозки в среднем в пять раз выше внутриконтинентальных, сухопутных перевозок.

Монголия представляет интерес именно в этом географическом плане, поскольку, помимо того что она не имеет выхода к морю, она еще и удалена от круглогодичных морских портов больше чем на 1000 км, что сходно с транспортно-географическим положением Сибири и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, и входит в число не имеющих выхода к морю стран, которым уделено отдельное внимание со стороны ООН [Faye и др., 2004]. Несмотря на зажатость между двумя крупнейшими политическими центрами мира, Монголия, выступая на международной арене как *small power* [Родионов, 2022; Hong, 2022], тяготеет к статусу геополитически нейтральной страны, о чем неоднократно говорили и представители монгольского посольства, что в условиях нынешней геополитической турбулентности критически важно для России. В данной статье мы постараемся показать, какие географические особенности наблюдаются во внешней торговле Монголии, какие транспортно-

логистические маршруты используются для торговли и какие практики применяются для нивелирования негативного воздействия транспортной континентальности в Монголии.

Основы экономико-географического анализа внешней торговли

Ключевым понятием нашего анализа является понятие транспортабельности товара, которое означает относительные возможности преодоления расстояния товаром, выраженные через цену, или ценность единицы, веса или массы [Thurrow, 1996]. На рисунке 2 показано, как различаются цены на доставку одного контейнера во внутриконтинентальных и приморских странах.

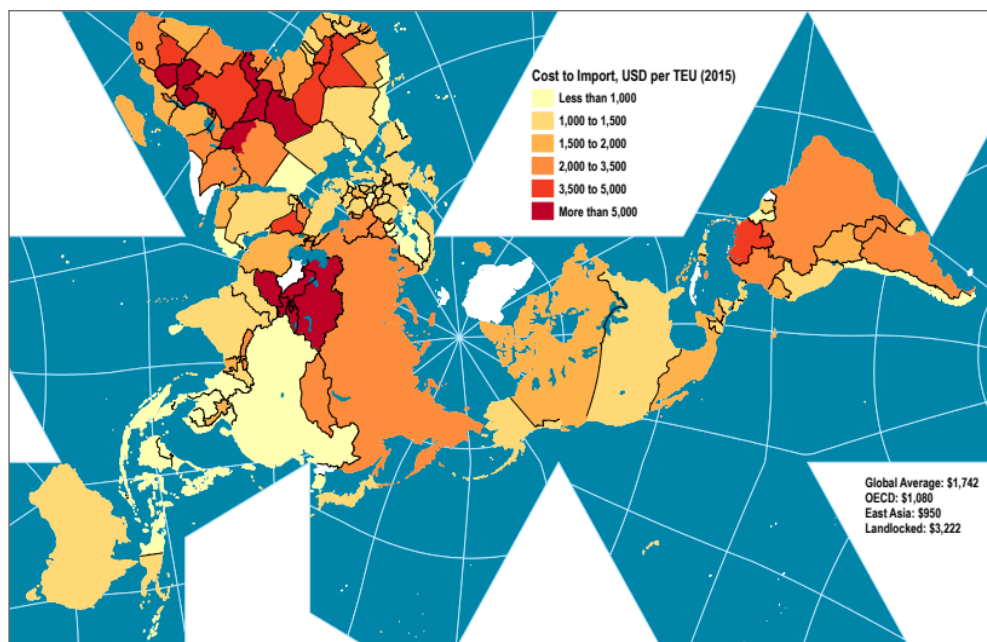

Рис. 2. Средняя цена импорта за 1 TEU (40-футовый контейнер)

Источник: [Rodrigue, Comtois, Slack, 2016]

В рамках экономико-географического подхода вместо традиционной страновой структуры внешней торговли применяется методика, по которой выделяются зоны удаленности от страны и проводится валовый и процентный расчет стоимостных и весовых значений экспортных-импортных потоков. Это позволяет показать именно то, насколько фактор удаленности и фактор трения пространства имеют значение для внешней торговли Монголии как внутриконтинентальной страны, зажатой между двумя соседями,

таким образом показывая возможности для диверсификации импорта-экспорта Монголии, к которой руководство страны стремится с помощью стратегии «третьего соседа».

Было выделено четыре зоны удаленности по 2000 км от Монголии. С учетом того что Монголия является сверхцентрализованной страной, где 64 % населения проживает в столице, точкой отсчета расстояний в ряде случаев принят Улан-Батор, за исключением сырьевых товаров. Морские расстояния имеют понижающий коэффициент 0,2, поскольку транспортировки по морю в среднем в пять раз дешевле сухопутных. В итоге страны и регионы были распределены по зонам следующим образом:

первая зона удаленности — до 2000 км — провинции КНР Внутренняя Монголия, Хэбэй, Цзилинь, Хэйлуцзян и Нинься-Хуэйский автономный район, регионы Российской Федерации Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край, КНДР, Республика Корея;

вторая зона удаленности — 2000–4000 км — не перечисленные выше районы КНР, СФО и ДФО России без Байкальского региона, Япония, Казахстан, Индия, Юго-Восточная Азия и Папуа — Новая Гвинея;

третья зона удаленности — 4000–6000 км — УрФО России, прибрежные государства Южной и Восточной Европы, государства Средней Азии, Ближнего Востока, Северной и Восточной Африки и прибрежные государства Южной Африки, Австралия и Океания, Северная и Центральная Америка без стран Карибского бассейна;

четвертая зона удаленности — более 6000 км — СЗФО, ЮФО, ЦФО ПФО России, страны Северной, Западной Европы и внутриконтинентальные страны Европы, страны Западной, Центральной и внутриконтинентальные страны Южной Африки, страны Карибского бассейна и Южной Америки [Bezrukov, Fartyshhev, Altanbagana, 2023].

Также важно заметить, что статистические данные имеют множество искажений, поэтому важно не только анализировать количественные значения внешней торговли, но и проводить полевые исследования. В июне 2023 г. совместная исследовательская группа ИГ СО РАН и ИГГ МАН посетила наиболее быстро развивающийся сейчас район юга Монголии (аймак Умнеговь), месторождения Таван-Толгой и Ою-Толгой, где предметом исследований являлись способы транспортировки в Китай угля и меди, что невозможно отследить дистанционно.

Распределение импорта и экспорта Монголии по зонам удаленности

Распределение экспорта и импорта по зонам удаленности позволяют представить обобщенную картину (табл. 1), которая заключается в том, что наибольшая часть экспорта Монголии по массе идет в близлежащие страны, то есть в первую зону, тогда как ее доля в стоимости экспорта су-

щественно меньше. Подавляющее большинство экспорта Монголии идет в самую первую зону, и преимущественно это провинция Внутренняя Монголия Китая. Далее практически не проникает в следующие зоны, снижаясь к самой дальней, четвертой зоне удаленности до 0,09 %. Это отчетливо показывает критическое трение пространства для внутриконтинентальных стран, причем в стоимостном выражении, что гораздо важнее для бюджета страны и для экономики. Крайняя, четвертая зона, куда относится подавляющее большинство стран Западной Европы, занимает уже почти 10 % монгольского экспорта. Отметим, что концентрация экспорта по странам мира в натуральном виде выражено заметно сильнее, чем в стоимостном. Исходя из массы товаров 93 % монгольского экспорта приходится на Китай, 6 % — в совокупности на Сингапур, Японию, Республику Корею и Россию, 0,7 % — на прочие страны.

Таблица 1

Распределение экспорта и импорта Монголии по зонам удаленности в 2021 г.

Зоны удаленности		Экспорт				Импорт			
№	Км	в натуральном выражении		в стоимостном выражении		в натуральном выражении		в стоимостном выражении	
		тыс. т	%	млн долл.	%	тыс. т	%	млн долл.	%
1	0–2000	25675,33	94,48	79742,95	86,24	6816,34	76,46	45956,87	68,76
2	2000–4000	1336,91	4,92	2827,82	3,06	765,03	8,58	8123,23	12,15
3	4000–6000	138,07	0,51	787,41	0,85	955,31	10,72	4968,29	7,43
4	более 6000	23,98	0,09	9109,57	9,85	378,49	4,25	7785,93	11,65
Итого		27174,29	100	92467,75	100	8915,17	100	66834,32	100

Источники табл. 1–5: составлено авторами.

Импорт Монголии более дифференцирован по зонам удаленности в натуральном и особенно в стоимостном выражении, однако все еще наблюдается преобладание в зонах непосредственно соседей Монголии. Но это показывает лишь обобщенную картину, и дальше мы копнем глубже.

Распределение импорта-экспорта по зонам удаленности с учетом степени переработки

Важный ракурс представляет собой распределение по степени передела на сырье, полупродукты и готовую продукцию. Таблица 2 показывает еще более дифференцированную картину в отношении сырья и полупродуктов, идущих из Монголии на экспорт. По готовой продукции, несмотря на крайнюю малочисленность, наблюдается резкий рост именно четвертой зоны удаленности, то есть эта продукция уходит гораздо дальше.

Таблица 2

Распределение экспорта Монголии по зонам удаленности и степени передела в 2021 г.

Зоны удаленности		Экспорт в натуральном выражении						Экспорт в стоимостном выражении					
		Сырья		Полупродуктов		Готовой продукции		Сырья		Полупродуктов		Готовой продукции	
		тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
1	0–2000	25618,8	95,84	14,5	92,02	34,3	61,35	7811,7	86,78	91,1	96,85	69,7	46,77
2	2000–4000	968,8	3,62	0,3	2,24	2,8	5,1	258,67	2,87	1,69	1,8	22,42	15,05
3	4000–6000	135,1	0,51	0,8	5,07	2,1	3,8	44,49	0,49	0,86	0,91	33,34	22,38
4	более 6000	7,2	0,03	0,1	0,66	16,6	29,75	886,97	9,85	0,41	0,44	23,55	15,81
Итого		26730	100	15,8	100	55,9	100	9001,83	100	94,07	100	149,01	100

В стоимостном выражении есть повышенное значение наиболее удаленной зоны по сырью за счет экспорта золота в страны Западной Европы, преимущественно в Швейцарию, и полупродуктов (это продукция кожаной обработки) в третью зону – в Турцию. Равномерное распределение по готовой продукции в основном объясняется за счет экспорта кашемировых предметов одежды, обладающих высокой стоимостью и малым весом и объемом. Поскольку для бюджета страны наибольшая выгода именно в стоимостном выражении, а не в натуральном, то можно сделать вывод о выгодности торговли продукцией именно высокой степени передела в целях дифференциации географии экспорта, как раз в целях той самой критикуемой политики «третьего соседа».

Импорт Монголии больше зависит не от сырья, а от готовой продукции – это в основном товары машиностроения, электроника, товары широкого потребления (табл. 3). Преобладание первой зоны, хотя и остается четко выраженным, в основном за счет влияния Китая, имеет все-таки меньшую значимость по сравнению с экспортными значениями. Импорт готовой продукции также по стоимости имеет более распределенный вид, чем натуральный, что и доказывалось нами ранее.

Таблица 3

Распределение импорта Монголии по зонам удаленности и степени передела в 2021 г.

Зоны удаленности		Импорт в натуральном выражении						Импорт в стоимостном выражении					
		Сырья		Полупродуктов		Готовой продукции		Сырья		Полупродуктов		Готовой продукции	
		тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
1	0–2000	798,7	64,05	2796,4	76,67	3186,9	79,95	257,35	71,71	1687,41	91,87	2641,65	58,98
2	2000–4000	390,9	31,35	53,4	1,47	320,4	8,04	43,11	12,01	56,8	3,09	712,35	15,91
3	4000–6000	25,8	2,07	759,2	20,81	170,3	4,27	20,93	5,83	29,01	1,58	446,88	9,98
4	более 6000	31,5	2,53	38,4	1,05	308,4	7,74	37,46	10,44	63,42	3,45	677,71	15,13
Итого		1247	100	3647,6	100	3986	100	358,85	100	1836,64	100	4478,58	100

Пункты пропуска Монголии и географическая структура проходящих через них товаров

В таблице 4 показаны значения транспортно-географической транспортности по пунктам пропуска. Согласно данной таблице, самыми высо-

кими значениями транспортабельности экспорта обладают пункты на границе именно с Россией, то есть идет наибольшая цена за тонну продукции.

Таблица 4

Транспортабельность товаров Монголии по пунктам таможенного пропуска в 2021 г.

Пограничные пункты	Сосед	Экспорт		Импорт		Транспортабельность экспорта (долл./кг)	Транспортабельность импорта (долл./кг)
		тыс. т	млн долл.	тыс. т	млн долл.		
Алтанбулаг	РФ	4867,4	67,6	139451,8	575,08	13,89	4,12
Цаганнуур	РФ	580,95	3,13	88946,17	61,35	5,39	0,7
Боршо	РФ	135	0,34	34658,71	21,54	2,51	0,62
Эренцав	РФ	65948,93	133,37	71468,15	44,21	2,02	0,62
Сухэ-Батор	РФ	192668,27	147,15	2442279,23	1908,95	0,76	0,78
Баянхошуу	КНР	410710,55	191,85	6524,7	8,19	0,47	1,26
Гашуун-Сухайт	КНР	7642729,08	3471,11	150864,58	287,66	0,45	1,91
Замын-Ууд	КНР	10637994,3	3188,69	1974717,37	3110,4	0,3	1,57
Ханги	КНР	1591251,29	300,29	46702,63	80,67	0,19	1,73
Ярант	КНР	1089913,75	199,98	7270,6	16,58	0,18	2,28
Бичигт	КНР	534681,22	80,13	7207,84	9,17	0,15	1,27
Шивэхурен	КНР	3981125,79	313,61	8971,69	21,38	0,08	2,38

В то же время транспортабельность экспорта через монгольско-китайские пункты не превышает и половины доллара за килограмм. По импорту, который в большинстве своем идет в виде готовой продукции, по стоимости на второе место выходит железнодорожный пункт пропуска «Сухэ-Батор», а по тоннажу он даже выходит на первое место. Это показывает исключительную важность транзитной торговли через Россию для Монголии. Значение транспортабельности монгольского экспорта через российские пункты пропуска почти в четыре раза выше, чем через китайские пункты пропуска, что обусловлено действием двух факторов.

Первый — это жесткая приуроченность подавляющей части много-тоннажного минерального сырьевого экспорта к близлежащим регионам Китая.

Второй фактор в том, что главные российские пункты пропуска пропускают монгольские товары не только на рынок самой России, но и в транзитном отношении на рынки удаленных стран третьей и четвертой зон, то есть товары в Центральную Азию, Восточную Европу и на Ближний Восток идут не через китайские порты, а преимущественно через Россию.

Получается, что для многих стран и товаров наиболее востребованным остается привычный железнодорожный маршрут через Россию, а не кратчайший путь через китайские пункты погранпропуска к портам Желтого моря через Тяньцзинь, Далянь, Циньхуандао и другие, что показывает так называемый экономико-географический эффект колеей. В то же время транспортабельность импорта выше именно через китайские пограничные пункты, через которые ввозится готовая продукция различного назначения,

но наивысшим показателем все равно обладает переход в Алтанбулаг за счет импорта из Европы высокоценной продукции.

Указанные тенденции еще более отчетливо показывают данные по объему экспорта и транспортабельности товаров. Характерно, что весь экспорт и импорт через пункт погранпропуска «Эренцаав-Соловьевск» идет через Китай и ничего не идет в Россию, то есть, по сути дела, он работает как монгольско-китайский пункт пропуска и никакого транспортного значения для России не имеет, равно как и транзитного потенциала в случае реализации продолжения дороги от Чойболсана на юго-восток в КНР, что значительно расходится с оценками других исследователей [*Gankhuyag, Myagmarsuren, Altankhuyag, 2021*].

Посмотрим детально, какие товары идут через главные пункты погранпропуска. Данные таблицы 5 показывают главное различие географических функций пограничных пунктов Монголии.

Таблица 5

Распределение импорта-экспорта по зонам удаленности крупнейших пунктов пропуска Монголии в 2021 г.

Зоны удаленности		Алтанбулаг (РФ)			Сухэбатор (РФ)			Гашуун-Сухайт (КНР)			Замын-ууд (КНР)		
№	Км	млн долл.	тыс. т	долл./кг	млн долл.	тыс. т	долл./кг	млн долл.	тыс. т	долл./кг	млн долл.	тыс. т	долл./кг
по экспорту													
1	0–2000	16,09	5599,48	2,87	245,91	513939,19	0,48	8646	41951594,4	0,26	12833,59	37084110,8	0,35
2	2000–4000	7,29	4104,08	1,78	7,81	4206,12	1,86	326,18	1971371,61	0,17	2237,97	804914,28	2,78
3	4000–6000	70,98	10122,28	7,01	0,49	385,26	1,28	0	0	-	481,21	73856,11	6,52
4	более 6000	41,64	2632,03	15,82	2,93	1837,23	1,6	65,66	629885,01	0,1	314,15	87631,67	3,58
Среднезвеш.		-	-	8,9	-	-	0,49	-	-	0,45	-	-	0,3
по импорту													
1	0–2000	566,78	218569,49	2,59	4088,41	6897244,94	0,59	885,97	489663,21	1,81	5227,61	5039572,72	1,04
2	2000–4000	27,78	8138,06	3,41	58,36	20566,74	2,84	72,89	7066,03	10,32	2189,54	795151,7	2,75
3	4000–6000	122,65	17923,27	6,84	45,91	13667,96	3,36	89,72	4267,22	21,03	670,99	132795,42	5,05
4	более 6000	746,53	117263,84	6,37	670,47	183012,41	3,66	59,8	3862,25	15,48	353,99	102600,44	3,45
Среднезвеш.		-	-	4,04	-	-	0,68	-	-	2,2	-	-	1,39

Если пункты монгольско-китайской границы имеют четкую привязанность экспорта к ближайшей зоне, то в то же время главным выходом на мировой рынок является именно переход в Алтанбулаге. При этом крупнотоннажный экспорт Монголии идет через станцию Сухэ-Батор, но, правда, здесь значительную роль играет экспорт плавикового шпата в Россию. Плавиковый шпат — это главный товар, который идет в Россию из Монголии. По остальным зонам экспорт имеет большую цену на единицу веса. Так или иначе, распределение экспорта по зонам удаленности имеет тенденцию к возрастанию транспортабельности в более удаленных зонах. Совершенно иной предстает картина импорта по сравнению с экспортом, где уже монгольско-китайский пункт пропуска «Гашуун-Сухайт» показывает значительно более высокую ценность грузов. Причем по мере удаления его значение более высокое, что является следствием развития Южно-Гобийского территориально-производственного комплекса, который нуждается в промышленном оборудовании, в сложной технике, которая и ввозится

через этот пункт погранпропуска. Примечательно, что половина импорта в Монголию идет через пункт «Алтанбулаг» из самой дальней, четвертой зоны. Через «Алтанбулаг» ввозятся фармацевтика, грузовые автомобили, продукция машиностроения и т. д. Через «Сухэ-Батор» в Монголию ввозятся уже крупнотоннажная продукция, нефтепродукты, пищевая продукция и продукция широкого потребления.

Особенности логистических схем доставки угля на юге Монголии

Различными исследователями одними из основных препятствий для конструирования логистических потоков из Монголии в Китай называются низкая грузоподъемность автотранспорта по сравнению с требуемыми грузопотоками и разная ширина железнодорожной колеи между Монголией (1524 мм) и Китаем (1435 мм). Однако, как мы отметили выше, пограничные пункты «Гашуун-Сухайт» и «Замын-Ууд» обеспечивают около 80 % тоннажа экспорта Монголии, из чего возникает вопрос о том, как логистическая система приспособилась к указанным ограничениям.

Данные полевых экспедиций показали, что в 2023 г. основной поток экспорта велся автопоездами, следующими по дороге Цотгцэций — Гашуун-Сухайт каждые 1—2 минуты. Использование железнодорожного транспорта на месторождении Таван-Толгой имеет все еще зачаточное состояние. Характерно заметить логистические особенности экспорта угля: погрузка навалочного груза ведется не в полувагоны, как в России или западноевропейских странах, а в контейнеры с открытым верхом, которые потом запечатываются. Упакованные контейнеры составляются в два этажа на вагоны-платформы и отправляются в Гашуун-Сухайт. Использование контейнеров связано с упрощением проблемы перевалки грузов на другой тип колеи на пограничном пункте (фактически нивелируется данный недостаток), а также особенностями транспортной политики Китая, согласно которой затраты на транспортировку ввозимого товара именно в контейнерах субсидируются логистическим компаниям из государственного бюджета. Характерно заметить, что монгольские транспортные компании доставляют груз только до границы и не имеют возможности знать, как далее выстроены логистика товара и его направление.

Медные месторождения России и Монголии

В зоне экономического коридора Китай — Монголия — Россия находится сразу несколько медно-золотоносных районов. К действующим относятся месторождения Эрдэнэт и Быстринское. К разрабатываемым сейчас — Удоканское месторождение в Забайкальском крае и Ою-Толгой на юге Монголии. Монголия все больше становится зависимой от экспорта сырья, зна-

чит, и от ближайших соседей, особенно от Китая, поскольку месторождение Ою-Толгой располагается всего в 95 км от границы с ним и примерно в 500 км от крупных промышленных центров Китая [Безруков, Фартышев, 2022b]. В ближайшей перспективе можно ожидать только обострения конкуренции за внешние рынки между экспортерами Монголии и восточных регионов России, поскольку мы торгуем одними и теми же, по сути, товарами. Цена на медь за последние 20 лет выросла примерно в шесть раз, и именно поэтому возникает особый интерес к меди в Монголии и на востоке России. Рост потребления меди связан со многими факторами — это и увеличение потребления меди в электромобилях, и состояние всей мировой промышленности, и кризис медной промышленности в Чили и Перу, обеспечивающих до 46 % мировой добычи меди, вследствие чего Китай вынужден искать медные ресурсы в других странах [Горячев, 2021]. Повышение цен на медь делает инвестиции именно в эту сферу в настоящее время наиболее выгодными. В свою очередь, для более выгодного использования ресурсов Монголии дифференцированной географической структуре экспорта необходимо развитие более высоких степеней передела меди. Например, если цена медного концентрата составляет примерно 1500 долл. за тонну, то уже более высокие степени передела достигают 5—10 тыс. и даже 74 тыс. долл. за тонну, что является, по нашему мнению, наиболее перспективным методом совместной кооперации.

Заключение

В заключение выделим наши конструктивные предложения в рамках изучения внешней торговли Монголии и развития плодотворных российско-монгольских отношений.

- Необходимо создание новых совместных перерабатывающих предприятий полного цикла (или цепочек производств) в области медной, угольной, никелевой, молибденовой, атомной промышленности на территории Монголии и Сибири, чтобы конвертировать сырьевой экспорт Сибири и Монголии в продукцию более высокой степени переработки для дальнейшего экспорта. Здесь, как нам видится, велика возможность включения корпорации «Ростех», чтобы конвертировать сырьевой экспорт Сибири и Монголии и делать продукцию более высокой степени переработки для дальнейшего экспорта в приграничных зонах.

- Следует учитывать интерес Монголии в диверсификации экспорта на более дальние расстояния и разработать проект льготного транзитного маршрута по территории России для монгольских товаров, совершенствовать железнодорожную ветку Наушки — Улан-Батор, исследовать потенциальную грузообразующую базу в районе железнодорожных и автомобильных коридоров Арцсурь — Ховд — Ярант и Эрдэнэт — Овоот — Арцсурь — Кызыл — Курагино и направления поставок [Dondokov, Namzhilova, 2023]. К сожалению,

многие современные исследования инфраструктурных проектов лишены конкретного анализа и такого типа расчетов [Мигранян, Динец, 2023].

Необходимо более детальное изучение действующих маршрутов движения сырьевых и готовых товаров из Монголии и Сибири с точностью до конкретных городов и предприятий для конкретного понимания пространственной структуры экономики и нахождения возможностей размещения производственных процессов в Монголии и России. К сожалению, мы можем смотреть только в разрезе стран. Мы еще плохо понимаем, в какие конкретно города и на какие конкретно предприятия идут эти товары, что является темой будущих исследований. Мы полагаем, что это невозможно отследить с помощью статистики, но возможно с помощью запуска и отслеживания движения с применением *GPS*-датчиков.

Список литературы

Балжинням Д., Якобсон А. Я., 2009. Экономико-географический потенциал монгольско-российских взаимосвязей / Под ред. Л. М. Корытного. Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2009. 175 с.

Безруков Л. А., Фартышев А. Н., 2022а. Особенности внешней торговли Монголии: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. Т. 66. № 3. С. 101–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-101-109.

Безруков Л. А., Фартышев А. Н., 2022б. Развитие медной промышленности России и Монголии: проблема выхода на внешние рынки // ЭКО. Т. 52. № 6. С. 115–133. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2022-6-115-133.

Горячев Н. Н., 2021. Китайские горнодобывающие компании в Перу: существует ли единая причина проблем? // Российско-китайские исследования. Т. 5. № 3. С. 141–150. DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3).141-150.

Демина Я. В., 2018. Внешнеэкономические связи Монголии: смена ключевого партнера // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 8. С. 104–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-8-104-109.

Егоров В. Г., Белоногова А. А., 2024. Российско-монгольские отношения: новый этап // Геоэкономика энергетики. № 1 (25) С. 61–79. DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_61.

Мигранян А. А., Динец Д. А., 2023. Векторы российско-монгольского сотрудничества // Геоэкономика энергетики. Т. 4. С. 55–76. DOI: 10.48137/26870703_2023_24_4_55.

Родионов В. А., 2022. «Мягкая сила» малых стран: опыт Монголии // Oriental Studies. Т. 15. № 2. С. 228–243. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-60-2-228-243.

Харитонов Д. В., 2022. Энергетическая политика Монголии и ее сотрудничество с Россией // Геоэкономика энергетики. № 2 (18). С. 62–79. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_62.

Якушев С., 2010. Монголия в современной системе международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. Т. 8. № 8. С. 109–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-8-109-115.

Bezrukov L. A., Fartyshev A. N., Altanbagana M. 2023. Mongolia's Foreign Trade: Relationship between the Transportability of Products and Distance to Target Markets // Geography and Natural Resources. Т. 44. № 1. С. S30–S34. DOI: 10.1134/S1875372823050037/METRICS.

Dondokov Z. B. D., Namzhilova V. O., 2023. China – Mongolia – Russia Economic Corridor: Building Infrastructure Connectivity in the Face of Global Challenges // Regional Research of Russia. Т. 13. № 3. С. 568–576. DOI: 10.1134/S2079970523700806/METRICS.

Faye M. L., McArthur J. W., Sachs J. D., Snow, T., 2004. The Challenges Facing Landlocked Developing Countries // Journal of Human Development. Т. 5. № 1. С. 31–68. DOI: 10.1080/14649880310001660201.

Gankhuyag U., Myagmarsuren A., Altankhuyag B., 2021. Spatial Analysis of Road Network in Mongolia // Proceedings of the Environmental Science and Technology International Conference (ESTIC 2021). Т. 206. DOI: 10.2991/AER.K.211029.026.

Hong S., 2022. Mediation and Mongolia's foreign policy // The Pacific Review. Т. 35. № 4. С. 765–788. DOI: 10.1080/09512748.2021.1924240.

Rodrigue J. P., Comtois C., Slack B., 2016. The geography of transport systems: Taylor and Francis, 2016. 440 с.

Thurow L. C., 1996. The future of capitalism: how today's economic forces shape tomorrow's world.: W. Morrow. 385 с.

FARTYSHEV Arseniy N., Candidate of Sci. (in Geography), Head of Laboratory of Recourse Science and Political Geography, Institute of Geography V. B. Sochava SB RAS

Address: 1, Ulan-Batorskaya Str., Irkutsk, 664033, Russian Federation

E-mail: fartyshev.an@gmail.com

SPIN: 7695-6684

ORCID: 0000-0002-5392-8633

BEZRUKOV Leonid A., Doctor of Sci. (in Geography), Chief Research Fellow, Laboratory of Recourse Science and Political Geography, Institute of Geography V. B. Sochava SB RAS

Address: 1, Ulan-Batorskaya Str., Irkutsk, 664033, Russian Federation

E-mail: bezrukov@irigs.irk.ru

SPIN-code: 2736-1601

ORCID: 0000-0003-3459-8488

GEOGRAPHICAL STRUCTURE OF FOREIGN TRADE OF MONGOLIA: INTRACONTINENTALITY, BORDERCROSSES AND FEATURES OF LOGISTICS

DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_42

Received: 24.06.2024.

For citation: *Fartyshev A. N., Bezrukov L. A., 2024. Geographical Structure of Foreign Trade of Mongolia: Intracontinentality, Bordercrosses and Features of Logistics. – Geoeconomics of Energetics. № 3 (27). P. 42–57. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_42*

Keywords: economic geography, foreign trade statistics, import-export, transportability, border crossing points, logistics schemes, coal transportation, Tavan-Tolgoi, copper industry, Oyu-Tolgoi.

Abstract

Foreign trade is one of the phenomena most susceptible to the so-called spatial friction effect. This article provides an overview of the geographical structure of Mongolia's exports and imports by remoteness zones, demonstrating the critical influence of its landlocked position. Examining the distribution of imports and exports, considering the degree of product processing, reveals that finished products have a more dispersed distribution across remoteness zones. In contrast, raw materials are primarily directed to the nearest zone. The article presents statistics on product transportability, understood as the price per unit weight, and its distribution by remoteness zones at border crossing points. It concludes that the most valuable cargo passes through border points with Russia, while raw materials with low transportability, primarily coal and copper, are transported through the Mongolian-Chinese points of Gashuunsukhait and Zamyn-Uud, mainly to the nearest zone. Field studies have

revealed the specifics of logistics schemes for coal delivery to China from the Tavan Tolgoi deposit. These involve delivery by road trains or by rail in containers, which simplifies the transshipment process and mitigates the barrier factor of the difference in railway gauge between Mongolia and China. In the copper mining industry, Russia and Mongolia are entering into competition through the parallel development of their largest copper-gold reserves. To diversify Mongolia's foreign trade and reduce its economic dependence on China, it is necessary to increase the processing of raw material exports into finished products, which can be achieved with the help of Russian high-tech companies.

References

- Balzhinnyam D., Yakobson A. Ya.*, 2009. Economic-geographical potential of Mongolian-Russian relations / Ed. L. M. Koryniy. Irkutsk. 175 p. (In Russ.)
- Bezrukov L. A., Fartyshev A. N.*, 2022a. Features of Mongolian Foreign Trade: Risks for Russia // *World Economy and International Relations*. Vol. 66. No. 3. Pp. 101–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-101-109. (In Russ.)
- Bezrukov L. A., Fartyshev A. N.*, 2022b. Development of copper industry in Russia and Mongolia: the problem of access to foreign markets // *EKO*. Vol. 52. No. 6. Pp. 115–133. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-115-133. (In Russ.)
- Goryachev N. N.*, 2021. Chinese Mining Companies in Peru: Is There a Single Cause of Problems? // *Russian-Chinese Researches*. Vol. 5. No. 3. Pp. 141–150. DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(3). (In Russ.)
- Dyomina Y. V.*, 2018. Foreign Economic Relations of Mongolia: Changing a Key Partner // *World Economy and International Relations*. Vol. 62. No. 8. Pp. 104–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-8-104-109. (In Russ.)
- Egorov V. G., Belonogova A. A.*, 2024. Russian-Mongolian relations: a new stage // *Goeconomics of Energetics*. No. 1. Pp. 61–79. DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_61. (In Russ.)
- Mihrayan A. A., Dinets D. A.*, 2023. Vectors of Russian-Mongolian cooperation // *Goeconomics of Energetics*. No. 4. Pp. 55–76. DOI: 10.48137/26870703_2023_24_4_55. (In Russ.)
- Rodionov V. A.*, 2022. Soft Power of Small States: A Case Study of Mongolia // *Oriental Studies*. No. 2. Pp. 228–243. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-60-2-228-243. (In Russ.)
- Kharitonova D. V.*, 2022. Mongolia's Energy Policy and Cooperation with Russia // *Goeconomics of Energetics*. Vol. 2. Pp. 62–79. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_62. (In Russ.)
- Yakushev R.*, 2010. Mongolia in modern system of international relations // *World Economy and International Relations*. Vol. 8. No 8. Pp. 109–115. DOI: 10.20542/0131-2227-2010-8-109-115. (In Russ.)

Bezrukov L. A., Fartyshhev A. N., Altanbagana M., 2023. Mongolia's Foreign Trade: Relationship between the Transportability of Products and Distance to Target Markets // Geography and Natural Resources. Vol. 44. No. 1. Pp. S30–S34. DOI: 10.1134/s1875372823050037. (In Eng.)

Dondokov Z. B. D., Namzhilova V. O., 2023. China – Mongolia – Russia Economic Corridor: Building Infrastructure Connectivity in the Face of Global Challenges // Regional Research of Russia. Vol. 13. No. 3. Pp. 568–576. DOI: 10.1134/S2079970523700806. (In Eng.)

Faye M. L., McArthur J. W., Sachs J. D., Snow, T., 2004. The Challenges Facing Landlocked Developing Countries // Journal of Human Development. Vol. 5. No. 1. Pp. 31–68. DOI: 10.1080/14649880310001660201. (In Eng.)

Gankhuyag U., Myagmarsuren A., Altankhuyag B., 2021. Spatial Analysis of Road Network in Mongolia // Proceedings of the Environmental Science and Technology International Conference (ESTIC 2021). No. 206. DOI: 10.2991/aer.k.211029.026. (In Eng.)

Hong S., 2022. Mediation and Mongolia's foreign policy // The Pacific Review. Vol. 35. No. 4. Pp. 765–788. DOI: 10.1080/09512748.2021.1924240. (In Eng.)

Rodrigue J. P., Comtois C., Slack B., 2016. The geography of transport systems. Taylor and Francis. 440 p. (In Eng.).

Thurow L. C., 1996. The future of capitalism: how today's economic forces shape tomorrow's world: W. Morrow. 385 p. (In Eng.)

Игорь ЮШКОВ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ, МОНГОЛИИ И КИТАЯ

Дата поступления в редакцию: 20.05.2024.

Для цитирования: Юшков И. В., 2024. Энергетическое сотрудничество России, Монголии и Китая. – Геоэкономика энергетики. № 3 (27). С. 58–66. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_58

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

Статья посвящена рассмотрению ситуации в трехстороннем энергетическом сотрудничестве России, Монголии и Китая. Авторы анализируют нынешнее состояние и перспективы развития энергетики трех стран с точки зрения взаимного сотрудничества. Особое внимание автор уделяет исследованию перспектив подписания соглашения о поставке газа из России транзитом через Монголию в Китай. В статье представлены сильные и слабые стороны данного проекта и проанализированы причины затягивания переговорного процесса.

Энергетические проекты в Азиатском регионе получили новый импульс развития после 2022 г. Россия в результате санкций со стороны западных стран, прежде всего США и Евросоюза, стала перенаправлять свои энергоносители на альтернативные рынки сбыта. Потому восточный вектор транспортировки российских углеводородов стал основным [Факторы риска..., 2022].

Россия, Монголия и Китай и ранее развивали отношения в области энергетики. Но это происходило на двусторонней основе, даже если сотрудничество предполагало три указанных выше актора. Так, например, Россия явля-

ЮШКОВ Игорь Валерьевич, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: ushkovigor@gmail.com. SPIN-код: 5693-0136.

Ключевые слова: энергетическая политика, газ, «Сила Сибири – 2», Россия, Монголия, Китай.

ется крупнейшим поставщиком нефтепродуктов в Монголию. Суммарно монгольский импорт нефтепродуктов составляет около 1,5 млн т в год. Почти весь этот объем доставляется из России железнодорожным и автомобильным транспортом. По данным Министерства горнорудной и тяжелой промышленности Монголии, в 2023 г. страна импортировала более 604 тыс. т бензина марки АИ-92. При этом около 97 % топлива было поставлено из России, а оставшаяся часть — из Китая. Подобное соотношение логично, так как Россия является страной — экспортером нефтепродуктов, а Китай — импортером. Поэтому на монгольском рынке должны существенно повыситься цены, чтобы китайские компании предпочли поставлять нефтепродукты не на внутренний рынок своей страны, а в Монголию. Такое подорожание понизит конкурентоспособность монгольской экономики и вызовет социальную напряженность. Но российские структуры предоставляют более выгодные предложения, что и сдерживает рост цен. Таким образом, вопрос обеспечения Монголии нефтепродуктами решается в треугольнике Россия — Монголия — КНР.

В будущем топливный рынок Монголии должен кардинально измениться. Стоит отметить, что и в настоящее время на монгольской территории ведется добыча нефти. Средний уровень производства — около 0,8 млн т в год. Причем добычу ведут преимущественно китайские компании: «дочка» *PetroChina* — компания *Daqing Tamsag*, «дочка» *Sinopec* — *Dongsheng Petroleum (Mongol)* и т. д. Добытая нефть автоцистернами экспортируется в Китай [Махмутова, 2023]. Но в 2025 г. в Монголии планируется ввести в эксплуатацию НПЗ в Алтанширээ Сум провинции Дорноговь. Завод должен будет перерабатывать до 1,5 млн т нефти в год. К нему строится нефтепровод от монгольского нефтяного месторождения в Матад Сум провинции Дорноговь. Однако собственной нефти может не хватить для производства достаточного для внутреннего рынка объема нефтепродуктов. В результате либо НПЗ будет работать не на полную мощность и Россия будет поставлять дополнительные нефтепродукты, либо российские компании перейдут с поставки нефтепродуктов на экспорт нефти для первого монгольского НПЗ.

Основной электроэнергетического баланса Монголии остается уголь. Ежегодно около 90 % электроэнергии в стране вырабатывается на угольных электростанциях. По данным *Energy Institute — 2023 Statistical Review of World Energy*, добыча угля в Монголии в период с 2013 по 2023 г. росла среднесредними темпами около 9,6 %. А в 2023 г. был рост сразу на 111,6 % — с 39,3 млн т до 83,4 млн т. На экспорт ушло более 65 млн т угля. Почти весь уголь Монголия продает в Китай. Причем в отдельные месяцы Монголия обгоняет Россию по поставкам угля в Китай.

Центральным проектом для развития сотрудничества в треугольнике Россия — Монголия — Китай является газопровод «Сила Сибири — 2». Он подразумевает строительство газопровода из России транзитом через территорию Монголии в Китай мощностью 50 млрд куб. м газа в год. Идея строительства

газопровода из России в Китай имеет давнюю историю. Она появилась еще в 1990-е гг. Тогда обсуждалась возможность строительства газопровода по западному маршруту. Причем этот вариант был основным, конкурируя в большей степени только с дальневосточным маршрутом, который, в свою очередь, подразумевал поставку газа с месторождений шельфа Сахалина. В случае с предшественником «Силы Сибири – 2» предполагалось построить газопровод через западный участок российско-китайской границы. В соответствии с географической близостью этот проект получил название «Алтай».

У проекта «Алтай» было несколько проблем, препятствующих его реализации. К внутренним можно отнести конфигурацию маршрута. Изначально газопровод предлагалось построить через плато Укок, которое входит в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Кроме того, в районе данного плато местные народы традиционно производили захоронения, и оно считается священным. Впоследствии «Газпром» заявлял о проработке альтернативного маршрута – вокруг плато Укок, – что решало данные сложности.

Основной проблемой проекта «Алтай» являлись внешние факторы. Реализация проектов строительства газопроводов из Центральной Азии, а именно из Туркменистана, в Китай позволила Пекину давить на «Газпром», выторговывая низкую стоимость газа в рамках будущего контракта. Китай обосновывал свое желание двумя аргументами. Он указывал на то, что из Туркменистана он получает газ по довольно низкой цене, а значит, газу, проходящему по газопроводу «Алтай», нужно будет конкурировать с центральноазиатским газом по цене. Кроме того, газ с запада КНР нужно прокачивать на восток, так как именно там сосредоточено потребление.

А в 2000–2010 гг. этот аргумент был даже более значительным, так как китайская экономика прежде всего развивалась в регионах, расположенных на побережье Тихого океана. Китай в рамках переговоров с «Газпромом» о форуме ценообразования указывал на необходимость покупки российского газа на границе по низкой цене, так как ему нужно было еще прокачать газ через всю свою территорию. Так как себестоимость прокачки на большое расстояние – затратная процедура, то для того, чтобы газ в районах потребления (на востоке Китая) оставался конкурентоспособным, цена на границе должна быть низкой.

В итоге первым проектом, по которому России и Китаю удалось договориться, стала «Сила Сибири», т. е. проект газопровода через восточную границу двух стран. Коммерческий контракт на поставку газа был подписан в мае 2014 г., а первый газ по газопроводу пошел в декабре 2019 г. Он позволял ликвидировать ряд спорных моментов, которые не позволили договориться при обсуждении проекта «Алтай». В частности, газ попадал сразу в районы потребления. Причем в северо-восточных регионах Китая, куда теперь поступает часть газа из «Силы Сибири», мало приемных СПГ-терминалов на побережье, что снижает конкуренцию российского трубопроводного газа и

сжиженного природного газа из различных стран [Юшков, Дроздова, 2020]. Хотя часть газа, приходящая в Россию по данному газопроводу, далее прокачивается на юг, в район Шанхая.

После подписания контракта в рамках проекта «Сила Сибири» и начала поставок «Газпром» возобновил переговоры с китайскими компаниями о новых газопроводах. Для этого есть ряд причин со стороны как России, так и Китая. «Газпрому» хотелось максимально монетизировать запасы газа. В декабре 2021 г. Алексей Миллер на встрече с Владимиром Путиным заявил, что «Газпром» располагает возможностью добывать на уже эксплуатируемых месторождениях Западной Сибири дополнительно около 100 млрд куб. м в год. При этом за 2022–2023 гг. поставки российского трубопроводного газа в Европу сократились примерно на 130 млрд куб. м. Из-за невозможности перенаправить эти объемы на альтернативные рынки «Газпром» был вынужден сократить добычу на аналогичный объем. Таким образом, концерн обладает возможностью дополнительно добывать в Западной Сибири и на Ямале около 230 млрд куб. м свыше того объема, который он производит в настоящее время. Таким образом, у России фактически нет ограничений в объемах потенциальной поставки газа в Китай из данной ресурсной базы. «Газпрому» важно монетизировать как можно большие запасы газа [Симонов, 2022].

В Китае также возрастает потребность в импорте газа. Потребление газа в стране растет большими темпами, поэтому увеличивается добыча на своей территории. В период с 2013 по 2023 г. средний темп роста добычи газа в Китае — 6,8 % в год. А объем потребления газа в тот же период рос в среднем на 8,9 % в год.

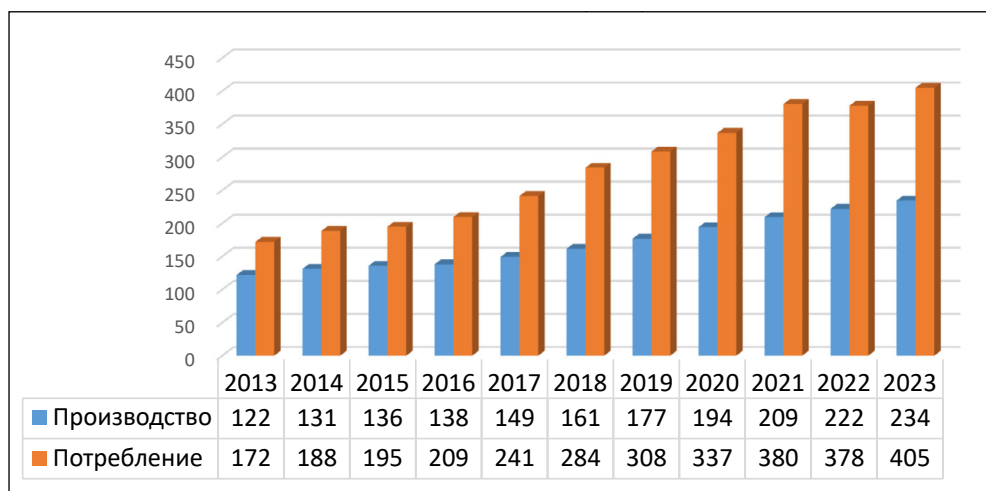

Рис. 1. Газовый баланс КНР, млрд куб. м

Источник: Energy Institute — 2023 Statistical Review of World Energy

Постоянный рост дефицита газа приводит к увеличению Китаем импорта. За последние десять лет, в период с 2013 по 2023 г., рост импорта газа в Китай составлял 12 % в год. Причем рост импорта не прерывался даже в «ковидный» 2020 г. Стоит отметить, что КНР стал импортером газа в 2006 г. и в настоящее время стал одним из мировых лидеров по этому показателю.

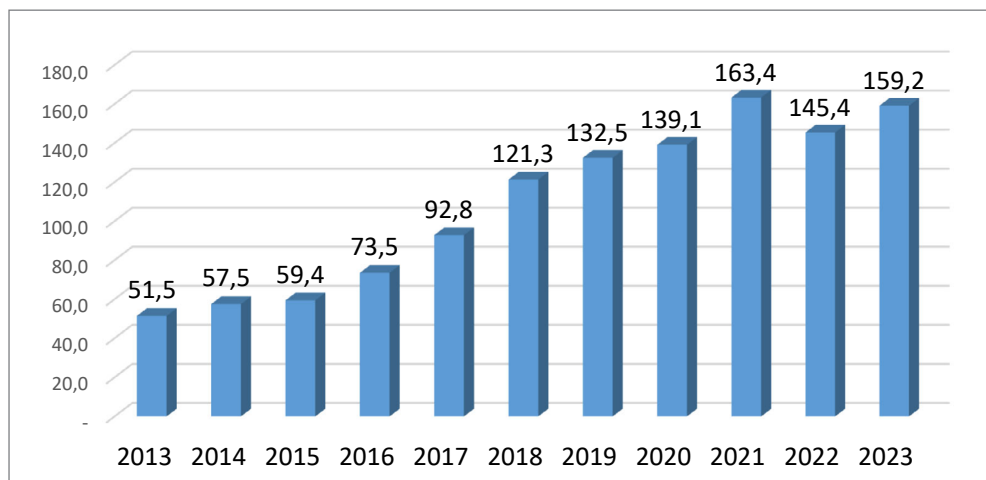

Рис. 2. Нетто импорт газа в КНР, млрд куб. м

Источник: Energy Institute – 2023 Statistical Review of World Energy

Большую часть газа Китай импортирует в виде СПГ. В 2023 г. в страну было поставлено 97,8 млрд куб. м газа в виде СПГ и 61,3 млрд куб. м в виде трубопроводного газа. Трубопроводные поставки из Туркменистана начались в 2010 г. В 2013 г. в число поставщиков трубопроводного газа вошла Мьянма, а Россия начала поставки по «Силе Сибири» в декабре 2019 г. По данным *Energy Institute*, в 2023 г. крупнейшим поставщиком трубопроводного газа в Китай оставался Туркменистан, продавший 30,5 млрд куб. м. Россия заняла второе место — 21,3 млрд куб. м. По итогам 2024 г. наша страна может стать лидером по трубопроводным поставкам. «Сила Сибири» по плану должна прокачать около 28 млрд куб. м. Соответственно, если Туркменистан снизит объем продаж, то уступит позиции России. Это вполне возможно, так как объем экспорта туркменского газа нестабилен. В 2021 г. страны продали в Китай 31,5 млрд куб. м газа.

Одной из причин обсуждения проекта «Сила Сибири – 2» стал тот факт, что центральноазиатские производители не могут удержать объем поставок газа на стабильном уровне. Исторический максимум продаж трубопроводного газа в Китай из Центральной Азии был достигнут в 2018 г. — 45 млрд куб. м. В 2020 г. произошло снижение до 37,3 млрд куб. м, в 2021 г. показатель восстановился до 41,7 млрд куб. м, но в 2023 г. вновь упал до 36,4 млрд куб. м.

В основном это происходит из-за сокращения поставок газа из Узбекистана и Казахстана. Например, в 2021 г. Казахстан экспортировал в КНР 5,9 млрд куб. м газа, а в 2023 г. — 4,6 млрд куб. м. Существенно снизил поставки Узбекистан: 1,2 млрд куб. м газа в 2023 г. против 4,3 млрд куб. м в 2021 г. В Узбекистане сохраняется внутреннее потребление газа на одном уровне и падает добыча (на 2,3 % в год за последнее десятилетие и на 9,6 % в 2023 г.). В результате Узбекистан из экспортера газа перешел в импортеры. «Газпром» начал первые поставки в Узбекистан с октября 2023 г. А в 2024 г. стороны договорились об увеличении поставок с 2,8 млрд куб. м до 11,68 млрд куб. м в год.

В Туркменистане также растет внутреннее потребление газа. С 2013 по 2023 г. оно увеличивалось в среднем на 6,6 % в год. Однако Туркменистан входит в мировые лидеры по запасам газа (четвертое место). Китай и Туркменистан неоднократно заявляли о планах роста поставок газа и строительстве четвертой нитки газопровода. Но они не объясняют, зачем строить четвертую нитку, если существующие три еще никогда в истории не были загружены на полную мощность. К тому же экспорт из других центрально-азиатских стран в Китай снижается. Туркменистан — закрытая страна и не предоставляет данные о том, в чем причина недозагрузки газопроводов. Или страна не может увеличить добычу, или Китай не хочет увеличивать закупки газа у Туркменистана, так как придерживается стратегии диверсификации источников поставки.

Ситуация с поставками газа в Китай из Центральной Азии повышает шансы реализации «Силы Сибири — 2». Если раньше Пекин мог рассчитывать на диверсифицированный пул продавцов (Туркменистан, Узбекистан, Казахстан), то в перспективе возможность продавать значимые объемы сохранит только Туркменистан. Но и его перспективы остаются неясными.

Другой вариант обеспечения растущих потребностей Китая в газе — импорт СПГ. Эти поставки росли в последние 10 лет даже быстрее, чем импорт трубопроводного газа. Среднегодовое увеличение происходило на 14,6 %.

В 2023 г. лидером по поставкам СПГ в Китай стала Австралия (33 млрд куб. м), за ней идут Катар (22,9 млрд куб. м) и Россия (11 млрд куб. м). Однако ставка на рынок СПГ опасна для Китая.

Во-первых, этот рынок глобален и азиатским потребителям необходимо конкурировать по цене на газ с европейским рынком. СПГ будет перенаправлен на тот рынок, где его можно продать с большей прибылью.

Во-вторых, в случае перерастания напряженности в отношениях Китая и США в открытый конфликт Вашингтон постарается лишить КНР энергетических ресурсов. Простым запретом на продажу Китаю СПГ США могут остановить поставки из Австралии и части других стран. Кроме того, США могут физически остановить газозовы за счет контроля над Малаккским проливом. А все маршруты по доставке газа с севера для Китая гораздо более безопасны.

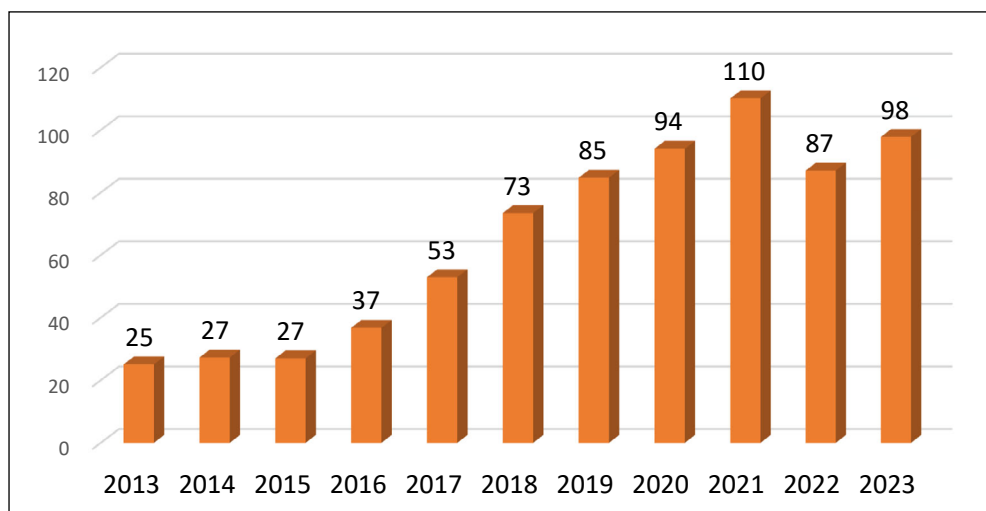

Рис. 3. Импорт СПГ в КНР, млрд куб. м

Источник: Energy Institute – 2023 Statistical Review of World Energy

Таким образом, трехсторонний проект «Сила Сибири – 2» выгоден России, так как позволит увеличить экспорт, а также перенаправит тот газ, который ранее шел в Европу, на азиатский рынок. Инвестиции «Газпрома» не будут столь значительными, какими были в «Силе Сибири», так как месторождения уже разработаны, нужно построить только линейную часть газопровода и компрессорные станции.

Для Монголии проект выгоден тем, что страна будет получать транзитные прибыли (схема выплат будет зависеть от договоренности по финансированию строительства). Монголия получит возможность газификации столицы и других населенных пунктов. Кроме того, как транзитная страна Монголия может рассчитывать на дополнительную скидку на покупаемый газ.

Китай получит надежный большой источник газа. Однако Пекин является очень жестким переговорщиком и стороны никак не могут согласовать формулу ценообразования. На нынешней стадии компаниям важно найти взаимоприемлемую схему ценообразования, ведь подобные договоры подписываются на несколько десятилетий. Китай считает, что время на его стороне, и не спешит идти на уступки. Он исходит из того, что «Газпром» уже потерял существенную долю на своем некогда основном рынке сбыта – в Европе – и если эта тенденция продолжится, то концерн будет вынужден согласиться на китайские условия, что восстановит часть утраченного рынка сбыта. Китай ждет, что в начале 2025 г. может произойти остановка транзита российского газа через Украину и тогда «Газпрому» придется сократить добычу еще на 15 млрд куб. м, что усилит переговорные позиции Китая.

Российская позиция на переговорах исходит из того, что Китаю нельзя медлить с подписанием контракта, так как по мере его развития США усиливают давление, в том числе вводя новые санкции против КНР. В итоге Вашингтон может начать изолировать Китай от рынка газа раньше, чем будет построена «Сила Сибири – 2», которая станет надежным источником поставок газа.

Список литературы

Махмутова Е. В., 2023. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Т. 28. № 28. С. 88–99. DOI: 10.48647/ISSA.2023.77.73.008.

Симонов К. В., 2022. Нефтегазовый комплекс России в период геополитической турбулентности: как найти верный ответ на санкции // Энергетическая политика. № 7 (173). С. 38–57. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_7173_38.

Юшков И. В., Дроздова Ю. Д., 2020. Развитие отношений России и КНР в энергетике: газопроводные и СПГ-проекты // Власть. № 5. С. 288–293. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7618.

Митрахович С. П., Салихов М. Р., Юшков И. В., 2022. Факторы риска на мировом рынке энергоресурсов: санкции, геополитика и российский энергосектор. Актуальные интервью // Геоэкономика энергетики. № 1 (17). С. 6–31. DOI: 10.48137/2687-0703_2022_17_1_6.

2023 Statistical Review of World Energy. Energy Institute // https://www.energyinst.org/__data/assets/pdf_file/0004/1055542/EI_Stat_Review_PDF_single_3.pdf, дата обращения 1.05.2024.

YUSHKOV Igor V., Senior Lecturer at the Financial University under the Government of the Russian Federation

Address: 49, Leningradsky Ave., 125993, Moscow, Russian Federation

E-mail: ushkovigor@gmail.com

SPIN-code: 5693-0136

ENERGY COOPERATION BETWEEN RUSSIA, MONGOLIA AND CHINA

DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_58

Received: 20.05.2024.

For citation: *Yushkov I. V.*, 2024. Energy Cooperation Between Russia, Mongolia and China. – *Geoeconomics of Energetics*. № 3 (27). P. 58–66. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_58

Keywords: energy policy, gas, Power of Siberia – 2, Russia, Mongolia, China.

Abstract

The article is devoted to the consideration of the situation in the trilateral energy cooperation between Russia, Mongolia and China. The authors analyze the current state and prospects of energy development of the three countries from the point of view of mutual cooperation. The author pays special attention to the prospects of signing an agreement for the supply of gas from Russia in transit through Mongolia to China. The article presents the strengths and weaknesses of this project and analyzes the reasons for delaying the negotiation process.

References

Makhmutova E. V., 2023. About China's new political mechanism in Central Asia. // China in world and regional politics. History and modernity. Vol. 28. No. 28. Pp. 88–99. DOI: 10.48647/ICCA.2023.77.73.008. (In Russ.)

Simonov K. V., 2022. The oil and gas complex of Russia in the period of geopolitical turbulence: how to find the right answer to sanctions // *Energy policy*. No. 7 (173). Pp. 38–57. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_7173_38. (In Russ.)

Yushkov I. V., Drozdova Yu. D., 2020. Development of relations between Russia and China in the energy sector: gas pipeline and LNG projects // *Power*. No. 5. Pp. 288–293. DOI: 10.31171/vlast.v28i5.7618. (In Russ.)

Mitrakhovich S. P., Salikhov M. R., Yushkov I. V., 2022. Risk factors in the global energy market: sanctions, geopolitics and the Russian energy sector. Interviews // *Geoeconomics of Energetics*. No. 1 (17). Pp. 6–33. DOI: 10.48137/2687-0703_2022_17_1_6. (In Russ.)

2023 Statistical Review of World Energy. Energy Institute // https://www.energyinst.org/__data/assets/pdf_file/0004/1055542/EI_Stat_Review_PDF_single_3.pdf, accessed 1.05.2024. (In Eng.)

Владимир ЕГОРОВ
Андрей ИНШАКОВ

КООПЕРАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Дата поступления в редакцию: 28.07.2023.

Для цитирования: *Егоров В. Г., Иншаков А. А., 2024. Кооперативная теория второй половины XIX – первой половины XX столетия. – Геоэкономика энергетики. № 3 (27). С. 67–87. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_67*

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01043 «Кооперация в стратегии развития общества» (<https://rscf.ru/project/23-28-01043/>), соглашение № 23-28-01043 от 12.01.2023.

Статья посвящена анализу теоретических воззрений мыслителей, представляющих различные направления общественно-политической мысли, на кооперацию, ее место и роль в общественном развитии. Специально рассмотрены взгляды представителей марксистского, народнического, социал-демократического направлений науки на кооперацию, дано представление о теоретических концепциях итальянского, американского академических сообществ исследователей кооперации, вклад интеллектуалов, разрабатывающих теорию игр.

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич, доктор экономических наук, доктор исторических наук, заведующий кафедрой политологии и политического анализа РГСУ, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117997, пер. Стремянный, 36. **E-mail:** korrka@mail.ru. **SPIN-код:** 9130-3997. **ORCID:** 0000-0002-2473-8590.

ИНШАКОВ Андрей Алексеевич, ассистент кафедры политической экономики и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117997, пер. Стремянный, 36. **E-mail:** aero789@mail.ru. **SPIN-код:** 6772-9676. **ORCID:** 0000-0003-4682-9685.

Ключевые слова: кооперация, марксизм и кооперация, анархизм и кооперация, итальянская и американская кооперативные школы, теория игр.

Основным направлением мысли, определявшим общественно-политический дискурс, учением, заявившим претензию на осмысление перспективы цивилизационного развития и этим привлекавшим внимание интеллектуалов, являлся марксизм.

В марксистском учении кооперации отводилась роль первой ступени агрегирования мелкого производства либо паллиативного средства избавления трудящихся от «язв» капитализма.

Опыт революции 1840-х гг., Парижской коммуны все же заставил К. Маркса и Ф. Энгельса обратить внимание на кооперацию мелких собственников. Надежды на скорейшее вытеснение мелкотоварного уклада крупным капиталистическим производством не оправдались. Индивидуальные хозяйства крестьян, отличающихся определенными качествами социальной психологии, обладали в силу своей специфики особой устойчивостью.

О том, насколько остро в международном социалистическом движении встал вопрос взаимоотношений с мелкой буржуазией, можно судить по фактам исторических событий в Германии в начале XX столетия. На съезде коммунистов, проходившем 1–5 мая 1920 г., анализируя полуторагодичный опыт революционных неудач, говорилось, что «социализм в Германии не может в более или менее близком будущем рассчитывать на поддержку среднего и мелкого немецкого крестьянства, что всякая попытка изменения отношений собственности в крестьянском землевладении не может не заканчиваться крахом... крестьянское землевладение есть неприступная скала в разлагающемся капиталистическом мире».

Последователи К. Маркса вслед за основоположником видели путь в «привлечении крестьянских хозяйств к социализму через сельскохозяйственную кооперацию, вместе с тем полагая невозможным выжидать, пока сельскохозяйственная кооперация, развиваясь по пути свободного союзного строительства, охватит всю сумму крестьянских хозяйств страны» и считали, что «вмешательство и воздействие государства в целях побуждения к принудительно-кооперативной организации всех производителей является совершенно необходимым» [Фишгендлер, 1922: 64–65].

Марксисты полагали, что кооперация есть промежуточная форма организации экономики в построении подлинно социалистической, основанной на общенародной собственности, обусловленной наличием в социальной структуре переходных обществ широкого слоя мелкой буржуазии. В письме к Бебелю в 1886 г. Ф. Энгельс писал: «А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство — в этом Маркс и я никогда не сомневались. На деле должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом,

особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами общества в целом» [О кооперации, 1988: 70].

В отличие от большой плеяды советских ученых, пытавшихся обосновать «полное совпадение кооперации с социализмом», Ф. Энгельс определенно провел грань ее отличия от социалистической формы организации экономики, адекватной рыночному хозяйству. Правда, отдельные последователи марксизма считали, что, кроме регенерации капитализма и угрозы социализму, кооперация не могла принести ничего положительного [Попов, 1929: 117].

Справедливости ради следует упомянуть и революционные проекты использования потребительской кооперации в качестве средства социалистического переустройства сферы обмена и потребления, исключающего стихийный рынок.

Еще до победы пролетарской революции в России программу преобразования общества через потребительские союзы предлагала так называемая Нимская школа кооперативов Франции во главе с Ш. Жидом. Ее сторонники, желая предотвратить стихию рынка, намеревались объединить все общество в ассоциации потребителей, а последним через солидарную политику и создание собственных предприятий диктовать условия и постепенно отвоевывать главенствующее место в производстве. Вот как выглядит третий параграф их «Кооперативной программы», озвученный Ш. Жидом: «Тогда бы производство, работая отныне только по команде и производя только то, что от него требуют, не производило бы ни слишком много, ни слишком мало — разве только за исключением ошибок, свойственных всем человеческим предвидениям, и, следовательно, должно было бы предупредить все эти переполнения рынка, перепроизводство, кризисы, безработицу, все эти внезапные перерывы в работе, которые изнуряют рабочие руки, заставляя их по очереди переходить от лихорадочного труда к периоду деморализующей праздности.

Тогда бы впервые было уничтожено все неисчислимое множество посредников, крупных и мелких поставщиков, легион паразитов, механизм производства упростился бы, число шестерен уменьшилось бы до минимума, полезная отдача увеличилась бы до максимума» [Жид, 1917: 67].

Вывод, сделанный В. И. Лениным в работе 1923 г. «О кооперации» о социализме «как строе цивилизованных кооператоров» [Ленин, 1964: 373, 376], вовсе не означает признание социалистической (огосударственной) сущности кооперативной организации.

Такое его суждение скорее означает пришедшее понимание невозможности построения экономики модерна (хотя и на основе диктатуры пролетариата) вне рынка, товарно-денежных отношений. Самой подходящей в этой связи формой организации, в основном мелкотоварного хозяйства страны, явилась в представлении лидера большевизма кооперация, способная сыграть двоякую роль: коллективной структуры для налаживания то-

варообмена с государственным промышленным сектором и средства купирования частнокапиталистической тенденции развития мелкобуржуазного уклада. «При условии максимального кооперирования населения, — писал В. И. Ленин, — само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д.» [Ленин, 1964: 669].

Ленинская новелла в трактовке кооперации стала поводом для дискуссии 1980-х гг. (в основном организованной редакцией журнала «Вопросы истории КПСС»). Суть дискуссии сводилась к решению конкретных вопросов: с какого времени, в результате изменения каких условий советскую кооперацию можно было считать социалистической. Конечно, такое обсуждение, основанное на ложных посылах о социалистическом преобразовании кооперации, было изначально контрпродуктивным. Кооперация тогда и в настоящее время представляет собой самостоятельную форму социально-экономической организации, способную в силу природных качеств комплементарно интегрироваться в систему доминирующих хозяйственных отношений*.

Так часто именуемое ленинским новое видение перспектив развития социализма на основе кооперации, позволявшее избежать капиталистической эксплуатации, на самом деле являлось давно устоявшимся во взглядах отечественных социал-реформаторов начиная с 60-х гг. XIX в. Например, П. Л. Лавров, один из основателей субъективной школы методологии, близкий к народникам философ, социолог, публицист, писал: «Социалист имеет право считать критически приобретенным результатом свое убеждение в возможности строя, в основание которого ляжет всеобщая кооперация для всеобщего развития, обуславливаемая всеобщим трудом и отсутствием монопольной собственности как двумя требованиями, устраняющими в главных ее основах эксплуатацию человека человеком и борьбу их экономических интересов» [Лавров, 1965: 447].

Исключительно нравственными идеалами свободы и равенства была напитана кооперативная концепция революционных анархистов, что, несомненно, роднило их взгляды со взглядами сторонников субъективного метода в социологии. Несмотря на то что в литературе кооперативной тематики, в том числе и в современной, одного из наиболее ярких представителей этого политического течения П. А. Кропоткина именуют отцом русской кооперации, его собственные представления и представления анархистов-революционеров о кооперации отставали далеко от общепринятого содержания этого понятия. Полностью отвергая государство и предлагая устрой-

* Исключая планово-административную экономику, в которой кооперация полностью ассимилируется и превращается в разновидность централизованного государственного хозяйства.

ство человеческого общества на основе свободной федерации, свободных ассоциаций трудящихся, М. А. Бакунин, а вслед за ним и П. А. Кропоткин абсолютно исключали присутствие базисных экономических предпосылок их объединения, порождающих интеграцию интересов личности и коллектива, труда и капитала. Единственным принципом образования ассоциаций, вытекающим из мировоззрения анархистов, являлся принцип свободы индивидуума, поэтому сфера функционирования корпораций не ограничивалась экономикой, но распространялась на все стороны человеческого бытия: культуру, религию, политику и т. д. «Ни общество, ни какая-либо часть его: община, провинция или нация, — писал М. А. Бакунин в своем «Революционном катехизисе», — не имеют права мешать свободным лицам свободно образовывать ассоциации для какой-либо цели — религиозной, политической, научной, промышленной, художественной — или даже в целях взаимного развращения и эксплуатации людей, беспечных и глупых, при условии что последние уже достигли совершеннолетия. Борьба с шарлатанами и губительными ассоциациями есть дело исключительно общественного мнения» [Бакунин, 2000: 283].

Так же как марксисты, анархисты видели главную цель социальной революции в торжестве коммунистической, общенародной собственности. Однако, не являясь последовательными материалистами, они отвергали путь капиталистического обобществления производства и считали необходимым добиться немедленной ликвидации всех форм собственности, кроме общественной, путем стихийного революционного бунта. Взгляды сторонников кооперации, основанной на групповой собственности, считались ограниченными и недостаточно революционными. Коллективная собственность, по мнению анархистов, с неизбежностью должна была воспроизводить те же условия хозяйствования, что и частная собственность, а следовательно, предполагала скатывание к капитализму. «Коллективисты начинают с признания революционного принципа — уничтожения частной собственности, а затем сейчас же отрицают его, — писал П. А. Кропоткин, — оставляя без изменения такой способ организации производства и потребления, который сложился именно вследствие существования частной собственности на орудия производства... Нам кажется очевидным, — продолжал он, — что никакое общество не может сложиться на основании двух совершенно противоположных, постоянно противоречащих друг другу начал. Страна или община, которая ввела бы у себя подобную организацию (коллективная собственность на орудия труда и личное вознаграждение каждого соответственно потраченному им на производство времени), очень скоро была бы вынуждена или вернуться к частной собственности, или превратиться в общество коммунистическое» [Кропоткин, 1990: 175].

Казалось бы, абсолютно утопические взгляды анархистов-революционеров уже сегодня становятся реальностью там, где субъективный фактор,

генерированный общенациональной идеей, религиозными или традиционными ценностями, становится превалирующим и определяет всю систему социальных и этических отношений. Примером, в частности, может служить современный Израиль или мусульманский Восток с его религиозной ортодоксией.

Подтверждая естественность социальной взаимопомощи наличием коллективистских практик у насекомых, животных, народов, находящихся на низших ступенях цивилизационного развития, и обуславливая ее необходимостью создания условий для выживания, П. А. Кропоткин видел в таковой путь к прогрессу, торжеству всеобщей солидарности и построению на этой основе экономической организации. «Все новые экономические и социальные учреждения, поскольку они являлись созданием народных масс, все новые этические системы и новые религии — все они происходят из того же самого источника; так что этический прогресс человеческого рода, если рассматривать его с широкой точки зрения, представляется постепенным распространением начал взаимной помощи от первобытного рода к агломератам людей все более и более обширным, пока, наконец, эти начала не охватят все человечество, без различия вер, языков и рас» [Кропоткин, 2011: 174].

Основоположителем материалистического направления народнической мысли вслед за А. И. Герценом и Н. П. Огаревым являлся Н. Г. Чернышевский. Его «Теория трудящихся», предполагающая учет экономических интересов мелких товаропроизводителей, вела к выводу о наиболее целесообразном и естественном пути развития самостоятельных хозяйств через объединение в товарищества, что позволило бы им избежать пагубного воздействия капитализма и в то же время перейти на более совершенную ступень экономического роста доступным и понятным мелким собственникам путем. «Не имея причин зложелательствовать друг против друга, трудящиеся не имеют побуждений держаться каждый особняком, — писал Н. Г. Чернышевский, — напротив, они имеют прямую экономическую необходимость искать взаимного союза. Почти каждое производство для своей успешности требует размеров, превышающих рабочие силы одного семейства. Капиталист не нуждается в союзе с другими, потому что располагает силами множества людей. Трудящийся, располагая силами только своей семьи, должен вступать в товарищество с другими трудящимися. Это для него легко, потому что нет ему причины враждовать против них. Таким образом, форма, находямая для производства теорией трудящихся, есть товарищество» [Чернышевский, 1987: 56–57].

Попытку интегрировать различные точки зрения на социализм и видение их материальных предпосылок, примирить два разнополюсных вектора движения российского общества: искусственно форсированную капиталистическую индустриализацию и традиционные черты подавляющей части

экономического базиса России, — предприняли социалисты-революционеры в своей теории конструктивного социализма. По их мнению, после завоевания политической власти на смену диктату крупного частного капитала должна была прийти «индустриальная демократия», т. е. равноправное сочетание самостоятельных хозяйственных субъектов, организованных на кооперативной или синдикалистской основе (союзы по профессиональной принадлежности). Государство в такой структуре должно было уступить часть регулирующих функций самоуправляющимся предприятиям и занять место равноправного партнера в экономических связях [Чернов, 1997: 30]. В плане теоретическом это означало возврат на естественную основу развития, когда организующим элементом кооперационных процессов являлся не привнесенный извне крупный капитал, а интегрированная мелкая собственность.

Продолжая народническую традицию, социалисты-революционеры не признавали прогрессивной роли капитала в сельском хозяйстве, основывая это убеждение на анализе особенностей аграрного сектора экономики и его отличия от промышленности. Поступательный ход сельского хозяйства мыслился как естественный процесс генезиса «трудовой кооперации как самостоятельно зарождающегося и органически развивающегося явления». «Дело идет о том, чтобы раскрыть в реальном кооперативном движении, — писал В. Чернов, — перспективы развития все в высшие и в высшие формы — такого развития, каждый последовательный этап которого есть подготовка следующего этапа — такого развития, которое идет обычной дорогой всех естественных процессов развития в природе — по линии наименьшего сопротивления, но идет вверх, т. е. ведет к осуществлению линии наивысшего результата». Причем замечательно, что социалисты-революционеры, видя специфичность аграрного сектора, отмечали сущностные особенности сельскохозяйственной кооперации, о чем позже сказал и А. В. Чаянов.

Нить преемственности теоретического и политического наследия социалистов-революционеров явственно прослеживается во взглядах современных сторонников социализма. Наиболее существенным в этом плане является опыт шведской социал-демократии, которой как никому удалось воплотить в жизнь чаянья многих поколений кооператоров.

В 1946 г. была издана книга теоретика шведского кооперативного движения А. Эрне «Экономическая демократия: мысли об актуальном», в которой он обосновал одноименную концепцию. По мнению А. Эрне, все общество должно быть организовано на кооперативной основе. Вновь был реанимирован давно известный термин «кооператизм» [Чернов, 1997: 115]. Точку зрения Эрне шведский исследователь Делленбрант назвал рафинированием кооперативных идей [Dellenbrant, 1981: 13].

Обществоведы, разделяющие политические убеждения социал-демократов, связывали расширение общественного сектора экономики с социалистической перспективой. Они считали, что «с помощью коопера-

тивов, народных движений, предприятий, находящихся в собственности работников и управляемых ими, ведется строительство собственно социалистического общества. За счет активной поддержки со стороны социал-демократов процесса формирования и расширения общественного сектора создается альтернативное общество, опирающееся на социалистическую идею» [*Socialdemokratins politiska problem*, 1987: 65].

Воплощение в жизнь кооперативного социализма являлось одной из важнейших сфер программных установок шведских социал-демократов. «Социал-демократия хочет, чтобы идеал демократии наложил отпечаток на всю организацию общества и условия жизни людей, — записано в их программе, — чтобы в результате каждый получил возможность богатой и полнокровной жизни. Поэтому социал-демократия хочет так преобразовать общество, чтобы право принятия решений находилось в руках всего народа, чтобы граждане были освобождены от какой бы то ни было зависимости, от любых групп власти, выражаемой их контролирующими функциями, и чтобы общество, основанное на классах, уступило место общности людей, действующих по законам свободы и равенства... Кооперативы, характерной особенностью которых является экономическая демократия, должны стать *in extensor* (буквально) главной частью социалистических преобразований» [*Socialdemokratins politiska problem*, 1987: 66]. Сегодняшняя Швеция располагает богатым опытом кооперативного строительства. Однако, как и в любой другой стране, включенной в систему капиталистических хозяйственных связей, шведская кооперация испытывает на себе давление со стороны капитализма. В результате этого обстоятельства идет неизбежный процесс разорения части коллективных предприятий, другая их часть приспособляется к условиям «свободного рынка», преобразуясь в коллективные капиталистические организации.

Немало шведских ученых, как и других западных исследователей, делают отсюда неверный посыл о рудиментарности, малой эффективности кооперации, что не соответствует действительности. Кооперативная организация общественного производства воплощает в себе принципиально отличное от капитализма направление общественной эволюции.

Теоретическому осмыслению кооперативной формы социально-экономической организации препятствовало ее объективное положение в структуре общества. Ее «промежуточное» место среди доминирующих укладов обуславливало непрекращающиеся попытки придать кооперации характеристики, отвлекающие от понимания ее природной сущности — «предкапитализма», его демократизации «ступени» к социализму или средства избавления от эксплуатации и нищеты. Вместе с тем неубывающая актуальность и жизнеспособность кооперативной организации поддерживали научный интерес интеллектуалов, стремившихся определить ее социальное значение как самоценного явления.

Одной из форм, хотя, конечно, далеко не единственной, «третьего пути», вне всякого сомнения, является кооперация — живой развивающийся организм с присущими ему особенностями и противоречиями. В современной обществоведческой литературе получила распространение точка зрения, выраженная, например, в книге французской исследовательницы Д. Демустье «Между эффективностью и демократией: производственные кооперативы», согласно которой кооперация — это «третий путь», в конечном счете демократичное «среднее между джунглями капитализма и бюрократией коллективизма» [Demoustier, 1981: 8]. По мнению сотрудника Межминистерского управления социальной экономики Франции М. Фигро, кооперация есть носитель иных общественных отношений, где «можно гармонично сочетать социальную справедливость и экономическую эффективность» [Kooperatibismos eta gizarte-ekonomiaa..., 1988: 275].

И хотя вряд ли было бы справедливым считать кооперацию единственной абсолютной формой организации общества, концепция кооперативного «третьего пути» заслуживает внимания уже потому, что смещает акцент с научного обоснования исключительности противоположных крайних позиций в сторону промежуточных социальных моделей.

В связи с тем что в переживаемую планетарной цивилизацией переходную эпоху кооперация, помимо адекватности социально-экономической реальности, обретает значение формы организации, несущей черты, вписывающиеся в проявляющиеся контуры будущего мироустройства, теоретическое прочтение ее внутреннего качества возрастает.

Посвятивший кооперации свой творческий путь ученый И. В. Емельянов отмечал, что «во всей литературе о кооперации можно назвать очень немного исследований, которые можно было бы признать попытками теоретического подхода к кооперативной проблеме... Действительно, остается только поражаться, как в целом исследователи и интерпретаторы кооперации уклонялись от теоретического анализа этой проблемы» [Емельянов, 2020: 39].

Собственно разработка основ теории кооперации началась с конца XIX — начала XX в. Вместе с тем следует заметить, что и сегодня отсутствует сколько-нибудь полновесный труд по этой проблеме. И все же отдельные положения, которые составят фундамент его создания, фрагментарно представлены в статьях и книгах мыслителей новейшего периода изучения кооперации.

Важной вехой с точки зрения преодоления «социально-реформистского» * направления освоения кооперации и определения ее собственного места и роли в общественном развитии стала книга итальянского профессора Дж. Г. Валенти, опубликованная в 1902 г., репринтное издание которой вышло в России в 2012 г.

* Термин, применяемый И. В. Емельяновым для характеристики учений, определявших кооперацию как альтернативу капитализму.

Возражая тем, кто видел в кооперации средство избавления от несовершенств капитализма, итальянский ученый указывал на то, что таковая является частью существующей системы менового хозяйства, а не чужеродным социально-экономическим ингредиентом, созданным и предназначенным для замены этой системы» [Емельянов, 2020: 41]. Помимо самостоятельной значимости кооперативной организации, Дж. Валенти уловил еще один важный для ее концептуализации аспект, заключающийся в утверждении закономерности, нерукотворности производственной кооперации, являвшейся, как и капиталистическая мануфактура, объективно продуцированной формой концентрации мелкотоварного хозяйства, а «кооперативная ассоциация (потребителей. — Авт.) — это экономический институт, который в рамках существующей системы свободной конкуренции стремится исправить полностью или частично естественные недостатки распределения богатства. Функционируя как корректирующие факторы несовершенства распределения, кооперативы, — говорит далее Валенти, — организуют «коллективные предприятия» как оружие против «обычных предприятий, индивидуальных или коллективных, основанных на спекуляции...» [Емельянов, 2020: 43].

Конечно, один из первых взглядов на кооперацию как самостоятельную форму социально-экономической организации не мог не иметь определяемых капиталистическим мейнстримом «привычных вывихов». Так, Дж. Валенти утверждал, что «в большинстве направлений своей экономической деятельности кооперативные организации фактически не конкурируют с капиталистическими предприятиями» [Емельянов, 2020: 44].

Сюжетом, требующим теоретического осмысления, логично следующим за определением «самости» кооперации, стал вопрос дифференциации видов и форм кооперативной организации, который, судя по содержанию трудов современных авторов и даже нормам кооперативного законодательства, остается во многом без внятного ответа.

Вслед за своим соотечественником, сделавшим важные теоретические выводы, разработку кооперативной теории в этой части продолжил М. Мариани, работа которого после публикации в 1906 г. была репринтно воспроизведена в России в 2009 г. [Mariani, 1906].

Рассуждения о том, что мотивом кооперативной мобильности участников совместных предприятий является выгода, превышающая «экономические жертвы», связанные с утратой части самостоятельности, привели автора к выводам, *во-первых*, о том, что в основе кооперации лежит индивидуальный интерес, и, *во-вторых*, о необходимости особенного его проявления в производственных и распределительных кооперативах. Правильно отметив отличную природу кооперативных форм различных видов, М. Мариани все же предпринял контрпродуктивную с точки зрения теоретического понимания существа проблемы попытку сформировать универсальное опреде-

ление кооперации, одинаково корректное для определения всех видов кооперативных объединений. «Кооперативная ассоциация, — писал он, — это добровольное объединение (ассоциация) покупателей или продавцов труда и других товаров в целях улучшения цен для покупателей и продавцов и для достижения этой цели путем организации собственного предприятия соответственно для покупки или продажи» [Емельянов, 2020: 46].

Нерелевантность такого теоретического обобщения проявляется в оценке производственных кооперативов, объединяющих мелких товаропроизводителей, а не «продавцов труда». Несмотря на несовершенства начала пути теоретического освоения темы, все же вклад итальянских экономистов в ее становление не подлежит сомнению.

Различия между ассоциациями потребителей и кооперативами отмечали супруги Уэббы и отечественный мыслитель М. И. Туган-Барановский в книге «Социальные основы кооперации», вышедшей в свет в 1922 г. [Туган-Барановский, 1989]. В своей книге автор не только обозначил отличия кооперативных объединений разного вида, но и проанализировал характерные черты субъектов кооперативной мобильности: участников рабочих потребительских обществ, трудовых артелей, мелких товаропроизводителей города и села.

Сомнительную общественную перспективу, по мнению М. И. Туган-Барановского, имели пролетарские кооперативы (по форме не отличающиеся от трудовых артелей. — Авт.), обобществлявшие труд рабочих, ориентированные исключительно на создание более эффективного результата деятельности через унификацию индивидуальных способностей участников и разведения труда. Не агрегируя труд и стремление к приращению частной собственности, такие предприятия не обладали всеми преимуществами кооперации [Туган-Барановский, 1989: 108–116, 181–184, 220–224].

Потребительская кооперация в представлении М. И. Туган-Барановского есть общественное движение, вырастающее из стремления не только пролетариата, но и других социальных слоев избавиться от посредников в организации потребления и создать комфортные условия получения товаров и услуг. «Потребительские общества, — писал он, — являются кооперативом такого рода, в котором с формальной стороны могут участвовать все классы общества, ибо все являются в равной мере потребителями. Поэтому можно было бы думать, что потребительские общества могут создаваться во всякой социальной среде и в конце концов должны охватить все общество» [Туган-Барановский, 1989: 150].

Очевидно, что объектами такой кооперации становятся в обществе, основанном на товарном хозяйстве, прежде всего малосостоятельные граждане.

Не ускользнула от прозорливого взгляда теоретика и черта, прямо вытекающая из сущности потребительской кооперации как организации обще-

ственной, а именно потенциальная возможность ее политизации [Туган-Барановский, 1989: 160–170].

В отличие от потребительской производственная является организацией экономической, закономерно возникающей, как и капиталистические формы концентрации производства. При этом М. И. Туган-Барановский, вполне осознавая мелкотоварный характер ее инициаторов, все же различал крестьянские и ремесленные товарищества. Первая в его представлении возникала как следствие недостатка трудовых семейных ресурсов. Об этом же позднее скажет и Н. Чаянов. А вторая за счет объединения материальных и трудовых ресурсов мелких промышленных производителей способствовала внедрению разделения труда, благодаря которому и достигалась «новая эффективность ручного труда» [Туган-Барановский, 1989: 260–276, 379–402].

Вплотную подошел экономист к пониманию дифференциации простых и сложных форм кооперации [Туган-Барановский, 1989: 263–273].

Конечно, вряд ли справедливо полагать, что М. И. Туган-Барановскому удалось в полной мере восполнить лакуны в кооперативной теории. Очевидно не доставало в его идеях анализа функциональных границ кооперативной организации, сущностных черт, утрата которых ведет к ее «мутации» и т. д. Не лишены взгляды теоретика и недостатков. Так, в его представлении кредитная кооперация (без отличий, кого таковая объединяла — потребителей или производителей) была отнесена к самостоятельному виду кооперативной организации. Несколько преувеличена в представлениях М. И. Туган-Барановского перспектива замены капитализма всеобщей кооперацией и т. д. Об этом он говорил так: «Но что будет, когда капитализм сойдет с исторической арены и коллективизм вытеснит капитализм, — не остановится ли тогда всемирная история? Каков будет следующий исторический день после того светлого «завтра», которое уже бросает свои лучи на сумрак сегодняшнего дня?»

Нет, всемирная история никогда не прекратится. Дальнейшее развитие будет заключаться в постепенном вытеснении в общественном строе более грубого и насильственного начала коллективизма более высоким и свободным началом кооперации.

Общество должно до конца превратиться в добровольный союз свободных людей — стать насквозь свободным кооперативом» [Туган-Барановский, 1989: 449].

Но в известной степени такой оптимизм в оценке кооперативного будущего сыграл для формирования авторской концепции положительную роль, заключающуюся в прямом указании на роль кооперации в эпоху перехода, к которой отчетливо ощущается сегодня, — эпохе постмодерна, открывающей для этой формы социально-экономической организации новые возможности. Так, анализируя особенности фабрики и производ-

ственного кооператива, М. И. Туган-Барановский писал: «Маловероятно, чтобы производительные ассоциации могли стать в социалистическом государстве господствующим типом промышленного производства». Скорее это возможно лишь «в немногих отраслях промышленности, где ручной труд всегда останется господствующим и где требуется особая индивидуализация производства». Повсюду же, где существует необходимость в высокой концентрации производства, а «преобладающая роль машины отодвигает на задний план личные свойства рабочего», кооперативная, относительно свободная форма организации труда не может выявить своих преимуществ, так как «индивидуальность так же затирается толпой» (или машиной), «как и при управлении той же фабрикой сверху» [Туган-Барановский, 2021: 89].

Таким образом, то, что определяло преимущество индустриальных форм массового производства — механизация и полная унификация индивидуальных способностей производителя в умной экономике будущего, — становится преимуществом кооперации.

Попытка использования кооперации в несвойственной для нее роли, например в качестве средства для налаживания прямого продуктообмена, социальной адаптации малоимущих слоев населения большевиками в первые годы советской власти, обусловила противодействие со стороны «старых» кооператоров. В числе таковых были С. Н. Прокопович (1871–1955), бывший министр Временного правительства, а после революции — профессор МГУ.

Отвергая социальную направленность кооперативной политики новой власти, активно привлекавшей в ряды кооператоров пролетарские слои населения, С. Н. Прокопович писал: «...кооперация доступна только для хозяйственно крепких элементов. Крестьянам и рабочим, опустившимся ниже известного уровня благосостояния или не достигшим этого уровня, кооперация помочь не может» [Прокопович, 1918: 11].

Говоря прежде всего о производственной кооперации мелких товаропроизводителей, С. Н. Прокопович прекрасно понимал, что мотивом обобществления части суверенной собственности в совместном предприятии для мелкого производителя являлось восполнение недостающих ресурсов для повышения эффективности собственного товарного хозяйства (сельского или промышленного). Пролетарий, лишенный такого стимула, как и мотивации эффективного участия, являвшегося следствием гармонизации труда и собственности, не мог стать социальным субъектом кооперации. Эту же мысль С. Н. Прокопович подтверждал, сравнивая кооперативную и общинную организации.

По этому поводу он писал: «...между этими двумя общественными образованиями мы можем наметить, таким образом, следующие различия: 1) община — союз сословный и принудительный, кооперация — несослов-

ный и добровольный; членами общины рождаются, кооператорами делаются; 2) членами кооперативных организаций могут быть только хозяйственно состоятельные элементы; членами общины — и богач, и нищий; 3) доход от общинных предприятий делится по душам, от кооперативных предприятий — соответственно степени участия каждого члена в деле; 4) кооперативные организации построены на принципе самоуправления — в общине при современном режиме велика власть всех начальствующих лиц, начиная от старшины и писаря и кончая всеми местными властями».

Сравнивая две формы социальной организации: общинной и кооперативной, — мыслитель неизбежно вышел на еще один основополагающий принцип — прямую демократию. Императив участия пайщиков — в управлении и распоряжении собственностью и результатами совместной деятельности. Кооперация не терпит даже незначительной отстраненности членов объединения от этого системного принципа.

Именно поэтому до недавнего времени одним из противоречий кооперативной формы социально-экономической организации считалось противоречие между масштабами предприятий кооператоров и способностью в полном формате воспроизводить управленческий порядок прямой демократии. При этом, имея в виду одну рыночную основу капиталистических и кооперативных форм организации, С. Н. Прокопович отмечал невозможность их противопоставления. «Отсюда следует, — писал он, — что кооперация не может служить средством борьбы с надвигающимся капитализмом. Рост того или другого вида кооперации есть следствие развития лежащих в его основании экономических отношений, а не причина этого развития. Как производное явление, кооперация находится в полной зависимости от производящего момента — момента экономических отношений» [*Прокопович*, 1918: 30].

Признавая единую почву генезиса двух форм организации экономики: капиталистической и кооперативной, — С. Н. Прокопович тем не менее видел их глубокое качественное различие. В отличие от буржуазных форм, в кооперации, по его мнению, «живет совершенно иной, не капиталистический дух, влекущий человечество на новые пути, создающий новые общественные формы, настолько не противоположные формам жизни капиталистического общества, насколько солидарность и взаимопомощь противоположны эксплуатации и насилию» [*Прокопович*, 1918: 16].

Диалектичность высказанных экономистом идей заключается в утверждении противоречивой сущности кооперации: с одной стороны, кооперативная организация есть плоть от плоти рыночной экономики и совершенно комплементарна капиталистическому хозяйству, с другой — отличаясь своими сущностными качествами от структур последнего, является естественным мостом, открывающим новое направление перспективы общественного развития.

Схожую точку зрения высказывал другой теоретик кооперации, так же как С. Н. Прокопович, оказавшийся после революции в эмиграции, — профессор В. Ф. Тотомианц (1875–1964). В вышедшей в Берлине в 1923 г. книге «Основы кооперации» он утверждал: «Кооперация не несет с собой никакого изменения системы свободной конкуренции, к законам которой она вполне приспособлена. Естественный ход обмена остается прежним. Кооперация вносит в него только конкурентов и поэтому не уничтожает, а оживляет его. Она принуждена даже ради успеха подражать частным предприятиям, так что и ее внешние признаки и приемы нельзя отличить от них» [Тотомианц, 1923: 64]. При этом, отмечая комплементарность кооперации рыночному хозяйству вообще и капитализму в частности, В. Ф. Тотомианц не отождествлял эти формы социально-экономической организации и видел в кооперативной потенциал будущего посткапиталистического мироустройства.

Значительно продвинул понимание сущностных различий производственных кооперативов объединений потребителей и рабочих доктор Ханс Фукс, рассуждения которого привел в своей книге И. В. Емельянов [Емельянов, 2020: 48–52]. «Производственная ассоциация (кооперативов. — Авт.), — писал он, — это «приобретающее предприятие, принадлежащее любому **ограниченному числу рабочих или ремесленников** (выделено Авт.), **в котором заняты все владельцы и только владельцы** (партнеры) (выделено Авт.)» [Емельянов, 2020: 49].

В отношении всех кооператоров-производителей — рабочих и мелких собственников Х. Фукс отметил непреложный принцип: обязательность только их членства в предприятии (соединяющего труд и собственность), исключаяющее прямое участие юридических и сторонних лиц, и другой — ограниченность числа пайщиков способностью управления кооперативом на основе прямой демократии. Особый характер кооперативных производственных отношений немецкий экономист считал основанием для их характеристики как «предварение будущего» [Емельянов, 2020: 49].

Важное наблюдение сделано Х. Фуком относительно потребительских кооперативов, качественно отличающихся от производственных. Во-первых, тем, что таковые являются предприятиями бесприбыльными, «в то время как производственные ассоциации... как и другие предприятия, работают на прибыль» [Емельянов, 2020: 50].

В контексте «постиндустриальной революции» в экономике рассматривал кооперацию И. В. Емельянов. Хотя предпринятая интерпретация теории кооперации через призму «процессов экономической интеграции» не позволила выйти за устоявшиеся пределы традиционных подходов политической экономии. Для предвидения кооперативного будущего в постмодернистской реальности в момент написания его работы «не пришло время».

Представление о развитии кооперативного сектора экономики описывалось «американцем российского происхождения» (Авт.), при которой в тер-

минологии «агрегатов», «экономических единиц, находящихся свое идеальное воплощение в кооперативных ассоциациях членов — активных участников (членов-патронов) в их общей работе», кооперации самой кооперации, при которой экономические единицы добровольно координируют свою деятельность или делегируют координирующую функцию специальному органу [Емельянов, 2020: 198]. Поскольку функции «ассоциированных экономических единиц, выполняющих через агрегат (кооператив. — Авт.) как их коллективное отделение коллективного департамента, *все хозяйственные услуги* кооперативных ассоциаций осуществляются по себестоимости (один из основополагающих принципов кооперации)» [Емельянов, 2020: 198].

Таким образом, кооператив в теории И. В. Емельянова не обретает признаков предприятия, тем более формализованного или требующего законодательного оформления, а представляет собой, говоря современным языком, маркетплейс, или платформу для обмена материальными ценностями и услугами. Если принять такое теоретическое положение, И. В. Емельянов уводит науку о кооперации на много шагов назад. Такая концепция автора лишает кооперацию главного — ее институционального качества. Однако по поводу особой эффективности организации, объединяющей высокомотивированных участников, гармонизирующий труд и собственность, говорили и писали многие авторы.

Многие западные исследователи справедливо отмечали, что общества с развитым кооперативным сектором обладают значительно большей устойчивостью, нежели общества с монокапиталистическим хозяйственным строем [Bradley, Gelb, 1987: 94].

В 1944 г. появилась книга Дж. Неймана и О. Моргенштерна, посвященная экономическому прочтению теории игр [Нейман, Моргенштерн, 1970]. Подход авторов в самом упрощенном варианте состоял в том, что «стремящиеся к максимизации личной выгоды обычно считают для себя выгодным сотрудничать с другими игроками, если игра носит повторяющийся характер, если индивид располагает информацией о поведении других игроков в прошлом и если число игроков невелико» [Норт, 1997: 28].

Таким образом, из теории игр прямо вытекали условия возникновения кооперативного поведения: постоянное взаимодействие индивидуумов, транспарентность их взаимодействия (свободный обмен информацией) и небольшие размеры группы взаимодействия.

Теория игр послужила основой понимания места и роли кооперации в экономических трансформациях переходной к постиндустриальному обществу эпохи.

Подходы, связанные с теорией игр, в описании кооперации стали активно применяться в 1980-е гг. Кооперацию как коалицию участников рассматривали Дж. Стаац и Р. Секстон. Кооператив (коалиция), представленный неоднородными предпочтениями участников, тем не менее является

оптимальным, только если все участники получают выгоду от совместной деятельности. Поэтому достижение равновесия интересов возможно только при консенсусе относительно распределения прибыли. Кооператив всегда должен стремиться, чтобы члены получали максимальную компенсацию за утрату части хозяйственного суверенитета [Sexton, 1986; 27; Staatz, 1983].

Таким образом, акцентируя внимание на исторической роли крупного производства и обобществлении экономики в национальных масштабах, марксизм видел в кооперации в лучшем случае «посредника», «переходный мостик» к социализму. Самостоятельное место и роль кооперации были подмечены отечественными мыслителями реформистского, легального течения марксизма. Идея миновать капитализм посредством утверждения кооперации, выдвинутая представителями народничества с точки зрения практической, была контрпродуктивной. Однако романтизм народнического кооперативизма все же оставил заметный след, указав на адекватность этой формы социально-экономической организации будущему мироустройству.

Основной вклад мыслителей итальянской и американской школ кооперации заключается в выявлении сущностных качеств различных видов кооперативных объединений, а представители теории игр вплотную подошли к проблеме гармонизации индивидуальных и коллективных интересов в кооперативных предприятиях.

Список литературы

- Бакунин М. А., 2000. Анархия и Порядок: Соч. М.: Эксмо-Пресс. 701 с.
- Емельянов И. В., 2020. Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций. М.: Litres. 440 с.
- Жид Ш., 1917. О кооперации. М.: Универс. библиотека. 86 с.
- Кропоткин П. А., 1990. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда. 638 с.
- Кропоткин П. А., 2011. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Ред. журн. «Самообразование». 251 с.
- Лавров П. Л., 1965. Философия и социология: Избр. произв. в 2 т. М.: Мысль. Т. 2. 703 с.
- Ленин В. И., 1964. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы. 729 с.
- Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И., 1988. О кооперации. М.: Политиздат. 318 с.
- Нейман Дж., Моргенштерн О., 1970. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука. 707 с.

Норт Д., 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономич. книги «Начала». 180 с.

Попов Н. И., 1929. Теория кооперации. М. 278 с.

Прокопович С. Н., 1918. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М.: Тов-во «Тип. А. И. Мамонтова». 456 с.

Тотомианиц В. Ф., 1923. Основы кооперации. Берлин: Слово. 167 с.

Туган-Барановский М. И., 1989. Социальные основы кооперации. М.: Экономика. 495 с.

Туган-Барановский М. И., 2021. Социализм как положительное учение. М.: URSS. 133 с.

Фишгендлер А., 1922. Вопросы социализации и кооперации в Германской революции (1918/19 гг.): Историч. очерк. М.: Изд. Всерос. Центрального Союза Потребительных Обществ. 114 с.

Чернов В. М., 1997. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН. 650 с.

Чернышевский Н. Г., 1987. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль. Т. 2. 685 с.

Bradley K., Gelb A., 1987. Cooperative labour relations // British Journal of Industrial Relations. Vol. 25. No. 1. Pp. 91–96.

Dellenbrant J. A., 1981. Foreningedemokrati och foreteqedemokrati: Tva vagar till ekonomiak demokrati. Stockholm.: Liber. 244 с.

Demoustier D., 1981. Entrer I efficacite et la democratie: Les cooperatives de production. Paris: Entente. 118 с.

Kooperatibismos eta gizarte-ekonomiaa munduzabalean gaian buruzko biltzarra. Congreso sobre et cooperativismo y la economia social en mundo. Vitoria-Gasteiz. 1988. 328 с.

Mariani M., 1906. Il Fatto cooperative nell'evoluzione sociale. Bologna: N. Zanichelli. 301 с.

Sexton R. J., 1986. The Formation of Cooperatives: A Game Theoretic Approach with Implications for Cooperative Finance, Decision Making, and Stability // American Journal of Agricultural Economics. 1986. Vol. 68. No. 2. May. Pp. 214–225.

Staatz J. M., 1983. The Cooperative as a Coalition: A Game Theoretic Approach // American Journal of Agricultural Economics. Vol. 65. No. 5. Pp. 1084–1089.

Valenti Gh., 1902. L'associazione cooperativa contributo all teoria economica della cooperazione. Modena. 212 с.

Wellenberg J., Molin L., Kristersson V., 1987. Socialdemokratins politiska problem. Stockholm.: Timbro. 231 с.

EGOROV Vladimir G., D. Sc. (History), D. Sc. (Economics), Professor, Head of the Department of Political Science and Political Analysis of the Russian State University of Economics, Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of Bauman Moscow State Technical University.

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: korrka@mail.ru

SPIN-code: 9130-3997

ORCID: 0000-0002-2473-8590

INSHAKOV Andrey A., Assistant of the Department of Political Economy and History of Economics of Plekhanov Russian University of Economics

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: aero789@mail.ru

SPIN-code: 6772-9676

COOPERATIVE THEORY OF THE SECOND HALF OF THE XIX – FIRST HALF OF THE XX CENTURIES

DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_67

Received: 28.07.2023

For citation: Egorov V. G., Inshakov A. A., 2024. Cooperative Theory of The Second Half of the XIX – First Half of the XX Centuries. – *Geoeconomics of Energetics*. № 3 (27). P. 67–87. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_67

Funding: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01043 «Cooperation in the development strategy of society», <https://rscf.ru/project/23-28-01043>. Agreement No. 23-28-01043 dated 12.01.2023.

Keywords: cooperation, Marxism and cooperation, anarchism and cooperation, Italian and American cooperative schools, game theory.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the theoretical views of thinkers representing various directions of socio-political thought on cooperation, its place and role in social development. The views of representatives of the Marxist, populist, and social democratic directions of the science of cooperation are specially considered, an idea is given about the theoretical concepts of the Italian and American academic communities of cooperation researchers, and the contribution of intellectuals developing game theory.

References

Bakunin M. A., 2000. *Anarchy and Order: Essays*. Moscow: Eksmo-Press. 701 p. (In Russ.)

Yemelyanov I. V., 2020. *The economic theory of cooperation. The economic structure of cooperative organizations*. M.: Liters. 440 p. (In Russ.)

Gide Ch., 1917. *About cooperation*. M.: Universal b-ka. 86 p. (In Russ.)

Kropotkin P. A., 1990. *Bread and freedom. Modern science and anarchy*. M.: Pravda. 638 p. (In Russ.)

Kropotkin P. A., 2011. *Mutual assistance as a factor of evolution*. M.: Ed. journal. «Self-education». 251 p. (In Russ.)

Lavrov P. L., 1965. *Philosophy and sociology. Selected works in 2 volumes*. Moscow: Mysl. Vol. 2. 703 p. (In Russ.)

Lenin V. I., 1964. *The complete works*. Vol. 45. M.: Publishing House of Political Literature. 729 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F., Lenin V. I., 1988. *About cooperation*. Moscow: Politizdat. 318 p. (In Russ.)

Neiman J., Morgenstern O., 1970. *Game theory and economic behavior*. M.: NAUKA. 707 p. (In Russ.)

North D., 1997. *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow: Foundation of the economic book «Beginnings». 180 p. (In Russ.)

Popov N. I., 1929. *Theory of cooperation*. M. 278 p. (In Russ.)

Prokopovich S. N., 1918. *The cooperative movement in Russia. His theory and practice*. M.: Comrade. Type. A. I. Mamontov. 456 p. (In Russ.)

Totomians V. F., 1923. *The basics of cooperation*. Berlin: Word. 167 p. (In Russ.)

Tugan-Baranovsky M. I., 1989. *The social foundations of cooperation*. M.: Economics. 495 p. (In Russ.)

Tugan-Baranovsky M. I., 2021. *Socialism as a positive doctrine*. M.: URSS. 133 p. (In Russ.)

Fishgendler A., 1922. *Issues of socialization and cooperation in the German Revolution (1918/19): Historical essay*. Moscow: Edition of the All-Russian Central Union of Consumer Societies. 114 p. (In Russ.)

Chernov V. M., 1997. *Constructive socialism*. Moscow: ROSSPAN. 650 p. (In Russ.)

Chernyshevsky N. G., 1987. *Works in 2 volumes*. Moscow: Mysl. Vol. 2. 685 p. (In Russ.)

Bradley K., Gelb A., 1987. *Cooperative labour relations // British Journal of Industrial Relations*. Vol. 25. No. 1. Pp. 91–96. (In Eng.)

Dellenbrant J. A., 1981. *Foreningedemokrati och foreteqedemokrati: Tva vagar till ekonomiak demokrati*. Stockholm: Liber. 244 p. (In Swedish)

Demoustier D., 1981. Entrer l'efficacité et la démocratie: Les coopératives de production. Paris: Entente. 118 p. (In French)

Kooperatibismos eta gizarte-ekonomiaa munduzabalean gaian buruzko biltzarra. Congreso sobre el cooperativismo y la economía social en mundo. Vitoria-Gasteiz. 1988. 328 p. (In Spanish)

Mariani M., 1906. Il Fatto cooperative nell'evoluzione sociale. Bologna: N. Zanichelli. 301 p. (In Italian)

Sexton R. J., 1986. The Formation of Cooperatives: A Game Theoretic Approach with Implications for Cooperative Finance, Decision Making, and Stability // American Journal of Agricultural Economics. 1986. Vol. 68. No. 2. May. Pp. 214–225. (In Eng.)

Staatz J. M., 1983. The Cooperative as a Coalition: A Game Theoretic Approach // American Journal of Agricultural Economics. Vol. 65. No. 5. Pp. 1084–1089. (In Eng.)

Valenti Gh., 1902. L'associazione cooperativa contributo alla teoria economica della cooperazione. Modena. 212 p. (In Italian)

Wellenberg J., Molin L., Kristersson V., 1987. Socialdemokratins politiska problem. Stockholm: Timbro. 231 p. (In Swedish)

Константин ЗАТУЛИН

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО- МОНГОЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»

25 апреля 2024-го Институт стран СНГ провел международную научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы российско-монгольского сотрудничества» при поддержке государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и ОАО «Российские железные дороги». В работе конференции приняли участие представители Государственной думы ФС РФ, посольства Монголии в РФ, ведущие эксперты из России, Монголии и стран Центральной Азии. На мероприятии были обсуждены геополитическая, экономическая ситуация в мире и регионе, проблемы безопасности дружественных государств, перспективы, потенциал и риски двустороннего сотрудничества в условиях растущего санкционного давления в различных сферах.

Позвольте открыть эту конференцию. Конференцию проводит Институт стран СНГ, и, несмотря на то что Монголия не входит в СНГ, она при этом остается нашим близким и дорогим соседом. 3452 км — это наша граница. И мало найдется в мире таких протяженных границ и таких историй взаимоотношений, как у России с Монголией. Это было причиной, по которой мы предложили провести эту конференцию. Я очень благодарен «Росатому» и «Российским железным дорогам», которые поддержали нас в этом нашем стремлении.

ЗАТУЛИН Константин Федорович, специальный представитель Государственной думы РФ по вопросам миграции и гражданства, первый заместитель председателя комитета Государственной думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII, VIII созывов, Руководитель Института стран СНГ, председатель Комиссии по международной политике Межпарламентской Ассамблеи Православия, член Научного совета при Совете Безопасности РФ, член Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, член Правительственной комиссии по миграционной политике.

Прежде всего позвольте поприветствовать здесь представителей Монголии во главе с советником-посланником господином Дэлгэрцэцгом Унубилэгтом. Мне также очень приятно поприветствовать на нашей конференции Сергея Михайловича Миронова, руководителя партии и фракции «Справедливая Россия – За правду».

Сейчас мы находимся в российско-монгольских отношениях на этапе не просто переосмысления наших отношений, но и на этапе придания этим отношениям нового импульса. Мне кажется, что в любом случае честный разговор лучше, чем попытки что-то замолчать или уйти от оценок.

В течение долгого времени, все время существования Советского Союза, отношения между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой были наиболее близкими. Был период до Второй мировой войны, Великой Отечественной войны, когда Монголия фактически была нашим единственным союзником, братской страной. Она такой и остается, но распад Советского Союза в 1991 г. и те события, которые произошли как внутри страны, так и за рубежом, на какой-то момент отодвинули российско-монгольские отношения на второй план.

На сегодняшний день между странами налажен интенсивный торговый, товарный обмен. Мы являемся вторым по объему торговым партнером Монголии, а в некоторых сегментах, например в топливе и энергетике, значение России для Монголии существенно: 90 % нефтепродуктов Монголия получает из России. За последние несколько лет отмечен рост поставок из России различных товаров.

В текущих геополитических условиях усиливается интерес к российско-монгольскому сотрудничеству. На данный момент можно наблюдать высокую заинтересованность в развитии совместных высокотехнологических проектов России и Монголии.

Активно наращивается сотрудничество и на межправительственном уровне. В прошлом году прошло первое заседание российско-монгольской межпарламентской комиссии в Улан-Баторе. В рамках заседания обсуждалась заинтересованность в развитии не только экономических связей, но и межпарламентских, культурных, научных и многих иных.

Мы и дальше намерены развивать такое сотрудничество.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА КОНФЕРЕНЦИИ

DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_90

Дэлгэрцэцэг УНУБИЛЭГТ

ШОС И ВОПРОС ЧЛЕНСТВА МОНГОЛИИ

Монголия в настоящее время является не только равноправным членом мирового сообщества, но и проводит активную внешнюю политику, основанную на поддержании мира и стабильности, а также демократических ценностях общества. Последовательная позиция Монголии находит широкую поддержку в мире, что является успехом и достижением нашей внешней политики за прошедшее столетие.

Монголия по сравнению со многими другими странами мира имеет некоторые географические особенности, связанные с ее территорией, географическим положением и геополитическим окружением. Наряду с тем, что она граничит с двумя ведущими мировыми державами с точки зрения экономики, военного потенциала, демографических факторов и других возможностей, она окружена еще двумя влиятельными крупными регионами Евразии: Северо-Восточной Азией и Центральной Азией. Эти географические обстоятельства оказывают значительное демографическое, политическое, экономическое и культурное влияние.

Также в концепции внешней политики Монголии обозначено в качестве одного из приоритетных направлений «участие в политических и экономических интеграционных процессах... в том числе в Центральной Азии»¹.

Кроме того, Монголия активно стремится укреплять сотрудничество с межправительственными организациями и придает большое значение участию в их деятельности, в том числе усилению сотрудничества с Шанхайской организацией сотрудничества.

УНУБИЛЭГТ Дэлгэрцэцэг, аспирант Дипломатической академии МИД России, советник-посланник посольства Монголии в Российской Федерации. **E-mail:** bolgoogch@hotmail.com, **ORCID:** 0009-0002-5420-2428.

¹ Концепция внешней политики Монголии от 2011 г. Официальный интернет-портал Министерства иностранных дел Монголии // <https://mfa.gov.mn/en/documentation/55645/>, дата обращения 15.10.2023.

Изначальной целью Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) была борьба с терроризмом в Центральной Азии, и на данный момент принимаются значительные меры по снижению трех основных угроз и рисков для ее государств-членов: террористических атак, сепаратизма и экстремизма. Несмотря на то что со временем ее государства-члены стараются вносить на повестку организации вопрос торговой, инвестиционной и экономической интеграции между государствами-членами за счет расширения сферы ее деятельности, на практике до сих пор, к сожалению, не были реализованы национальные и региональные инвестиционные проекты в рамках организации. Иными словами, государства — члены ШОС пока не пришли к единой позиции по торгово-экономическому сотрудничеству в рамках организации. Хотя лидеры основных государств — членов организации в мае 2015 г. договорились согласовать проекты сопряжения китайской инициативы «Один пояс — один путь» с российским Евразийским экономическим союзом, но никаких конкретных мер до сих пор не было реализовано.

Что касается Монголии, то с 2004 г. она традиционно участвует в заседаниях ШОС на высоком уровне со статусом наблюдателя. Юридический статус наблюдателя Монголии в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) основывается на Положении о статусе наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества (17 июня 2004 г., Ташкент²), что не нарушает её международные договоры и законодательные акты и даёт возможность обсуждать вопросы в формате двусторонних отношений с государствами-членами.

За почти две декады участия Монголии в деятельности ШОС в статусе наблюдателя главные государства — члены организации не единожды предлагали Монголии повысить уровень сотрудничества с ШОС и стать полноправным её членом. Так, например, в 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявлял: «Монголия — первая страна — наблюдатель ШОС. Китайская сторона будет поддерживать монгольскую сторону в повышении уровня сотрудничества с ШОС. Мы хотели бы расширить координацию и сотрудничество в рамках ШОС и призываем монгольскую сторону активно участвовать в сотрудничестве ШОС». В своем выступлении в 2019 г. он сказал: «В будущем, если Монголия присоединится к ШОС, она будет лучше использовать свои преимущества, активно участвовать в региональном сотрудничестве и получит ощутимые выгоды. Чем раньше Монголия решит присоединиться к ШОС, тем больше возможностей у нее будет в региональном сотрудничестве».

Официальную позицию о вступлении Монголии в ШОС президент Монголии изъяснил на трех расширенных саммитах ШОС в 2017, 2018 и 2019 гг.,

² Положение о статусе наблюдателя при Шанхайской организации сотрудничества // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/1678990/, дата обращения 15.03.2024.

а также на онлайн-заседании саммита ШОС в 2020 г. В частности, на саммите 2019 г. президент Х. Баттулга сообщил, что «Монголия детально изучает возможность повышения её статуса в ШОС, ведутся соответствующие обсуждения в политических и общественных кругах страны. Общественное мнение в нашей стране разделилось, пока не пришло к консенсусу по вопросу членства Монголии в ШОС».

В 2020 г. он четко изложил свою позицию: «Монголия внимательно наблюдает за развитием ШОС, проводит соответствующие исследования, сохраняет позицию наблюдателя и активно участвует в практической деятельности экономического и гуманитарного секторов. Продвижение проектов автомобильных дорог, центральной железной дороги, восточного и западного коридоров, которые являются важными компонентами «экономического коридора» Монголии, России и Китая, позволит углубить сотрудничество в рамках ШОС, соединив рынки Восточной и Центральной Азии. Подчеркнем важность такой практической и эффективной деятельности».

В 2024 г. Монголия также 20 раз примет участие в саммитах ШОС в статусе наблюдателя. В связи с этим для полного понимания такого подхода Монголии ниже приведу примеры за и против сохранения сегодняшнего статуса в ШОС по мнению монгольского исследователя А. Даваасурэна³.

Преимущества и возможности пребывания Монголии в качестве наблюдателя Шанхайской организации сотрудничества

Основная цель организации — выйти за рамки терроризма, экстремизма, сепаратизма, борьбы с терроризмом, региональной политики и вопросов безопасности, и ей не удалось инициировать торговое, экономическое, инвестиционное взаимодействие и сотрудничество в целях развития между государствами-членами. В связи с этим пока что для Монголии лучше сохранить статус наблюдателя в ситуации, когда деятельность организации не выходит за рамки встречи глав государств-членов и ее будущее сохраняет неопределенность.

Монголия не имеет прямой границы с государствами-членами в Центральной Азии (кроме России и Китая), торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество с государствами-членами развито недостаточно, нет территориальных споров и конфликтов, терроризма, сепаратизма, религиозного экстремизма. Поскольку не существует незаконной торговли оружием или проблемы беженцев, а также нет заинтересованности в организации, для Монголии уместно на данный момент сохранить статус наблюдателя, не становясь ее членом.

³ *Davaasuren Avirmed*, 2022. Mongolia and regional cooperation organizations: Opportunities and risks. // *Journal of International Studies*. No. 45. Pp. 90–100. DOI:10.5564/jis.v45i114.2465.

Недостатки и риски

Ограниченная возможность Монголии напрямую участвовать в решении политических, экономических, социальных, гуманитарных и геополитических проблем безопасности региона.

Ограниченная возможность получить поддержку развития и безопасности Монголии от развивающихся стран, входящих в ШОС.

Общность кочевой культуры и обычаев со странами Центральной Азии ШОС может исчезнуть.

И хотя народы стран Средней Азии считают себя потомками Чингисхана, считают Чингисхана и Бату-хана своими ханами, относятся к монголам с уважением, но эти традиционные социальные и гуманитарные отношения с государствами Средней Азии могут со временем угаснуть и стать отдаленными.

Преимущества и возможности для Монголии стать членом ШОС

1. В рамках этой организации участие и голос Монголии в решении острых проблем региона возрастут, а ее зарубежная репутация, вероятно, улучшится.

2. Культурные, социальные и гуманитарные связи с народами стран Центральной Азии будут углубляться.

3. Возможность расширить сферу политико-дипломатических отношений и торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества со странами-членами и странами-наблюдателями организации возможно с использованием внутренней транспортно-логистической сети России и Китая.

4. Вполне вероятно, что Монголия получит право участвовать в международных и региональных инвестиционных проектах и программах развития инфраструктуры, которые сейчас обсуждаются в рамках организации.

Недостатки и риски

— Членство в ШОС затруднит последовательную реализацию политики «третьего соседа» Монголии*.

— Отсутствие единого общественного мнения в Монголии по вопросу членства в ШОС.

* Понятие «**третий сосед**» связано с визитом госсекретаря США Дж. Бейкера в Монголию в 1990 г. Тогда он сказал, что «даже если у вас есть только два соседа, вы можете иметь добрососедские отношения с тремя большими странами, в том числе с Соединенными Штатами». Для осуществления масштабных реформ в политической, социальной и экономической сферах для Монголии стала очень важной помощь и поддержка всего внешнего мира, а не только ее двух ближайших соседей.

— В организации доминируют Россия и Китай, особенно Китай, который является более развитым и индустриализированным, обладающим техническими, технологическими и финансовыми возможностями, поэтому существует риск ускорения процесса политической, экономической и социальной утраты идентичности Монголии.

Подводя итог, хочу подчеркнуть, что ввиду уникальности географического положения Монголии другие страны — члены ШОС, кроме России и Китая, географически находятся далеко от Монголии, поэтому существует риск неэффективной, не полноценной торговли и экономико-инвестиционного сотрудничества с другими членами организации, а негативные влияния, такие как терроризм, сепаратизм, вопрос беженцев и незаконный оборот наркотиков, будут превалировать над плюсами активного сотрудничества в данной организации.

Хотя ввиду недавних событий в Израиле и террористического акта, совершенного в комплексе «Крокус Сити Холл» в городе Красногорск Московской области, вопрос борьбы с терроризмом снова на повестке у всего мирового сообщества, включая Монголию, которая решительно осуждает любую террористическую деятельность, представляющую угрозу человечеству и гражданскому населению⁴.

А также многие монгольские исследователи, как и ректор Дипломатической академии МИД России Александр Яковенко, считают, что на сегодняшний день, к сожалению для нас, «пространство для дипломатии сжимается в отношениях Запада с Россией и Китаем, которые им «сдерживаются», где на основе ШОС может сложиться система инклюзивной, неделимой безопасности и сотрудничества...»⁵ [5]. Данная тенденция и оценка, конечно, противоречат политике Монголии неприсоединения к какому-либо военному альянсу или блоку.

Таким образом, в ближайшее время вряд ли стоит ждать принятия Монголией решения о вступлении ее в ШОС на правах постоянного члена. Обозначенные выше факторы, представленные в комплексе, являются важным препятствием на пути к более тесному сотрудничеству монгольского государства с ШОС. Шанхайская организация сотрудничества для Монголии — это достаточно удобная площадка для международного диалога с ближайшими соседями, перевода в формат многосторонних связей отношений с КНР и РФ. Нынешний статус постоянного наблюдателя для монгольской стороны представляется самым оптимальным. Став же постоянным чле-

⁴ Официальное заявление МИД Монголии от 23 марта 2024 г. // <https://mfa.gov.mn/78098>, дата обращения 25.03.2024.

⁵ Яковенко А. В., 2022. 25 тенденций современных международных отношений и мирового развития // <https://forpost-sz.ru/a/2022-09-06/25-tendencij-sovremennykh-mezhdunarodnykh-otnoshenij-i-mirovogo-razvitiya>, дата обращения: 22.03.2024.

ном ШОС, Монголия будет обязана брать на себя ряд обязательств в политической и социально-экономической сферах отношений с остальными членами (в первую очередь с Россией и Китаем), что ограничит свободу действий страны в сфере внешней торговли и инвестиционной политики.

В заключение хотелось бы отметить, что достижения в сотрудничестве Монголии и ШОС можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, если провести анализ с точки зрения отношений Монголии с ее крупными соседями — Россией и Китаем — в рамках ШОС, становится очевидным, что тесное и дружеское сотрудничество между великими державами является предпосылкой к дальнейшему развитию ШОС и развитию Монголии в рамках этой организации. Таким образом, сотрудничество с Китаем и Россией — важнейший фактор взаимоотношений Монголии и ШОС.

Во-вторых, сотрудничество между Монголией и Шанхайской организацией в основном сосредоточено на экономических аспектах. Монголия заинтересована в создании транспортных коридоров в Центральную Азию и Россию. Также в сферах энергетики, экономики, транспорта и туризма, дорожной карты и в рамках «Одного пояса — одного пути» Монголия надеется на реализацию данных инициатив во взаимодействии с ШОС.

В-третьих, Монголия и ШОС активно сотрудничают в форуме ученых и молодежных обменов, что играет положительную роль в углублении взаимопонимания Монголии со странами ШОС в гуманитарной сфере.

В-четвертых, по соображениям национальной безопасности два непосредственных соседа Монголии — большие державы, и у Монголии недостаточно сил для обеспечения собственной безопасности. Она может полагаться только на дипломатические средства и международные организации для поддержания национальной безопасности и суверенитета.

Монголия считает, что региональное экономическое сотрудничество является главной опорой стабильного развития ШОС, а также основой для всестороннего развития и экономического процветания всех стран-членов и стран-наблюдателей. Хотя Монголия — небольшая и развивающаяся страна, она надеется развиваться вместе с соседними странами и другими странами региона. Однако Монголия не видит целесообразности полноправного членства в ШОС. Это в будущем может стать основным препятствием на пути дальнейшего сотрудничества с организацией.

Сергей МИРОНОВ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Уважаемые коллеги, рад всех приветствовать! Рад приветствовать монгольских друзей!

Монголия — сосед России, и, конечно, нам очень важно, какие двусторонние отношения у нас развиваются с этой замечательной страной.

Я, действительно, не понаслышке знаю о Монголии. Я работал в системе среднемаша, я уранщик — занимался поисками урана. 10 лет я провел в Монголии и считаю, что это почти моя вторая родина. У нас в России — области, в Монголии — аймаки, а деревни Монголии — сомоны. Так вот, нет не то что ни одного аймака — нет ни одного сомона в Монголии, где бы я не был. Вся территория Монголии мною пройдена в прямом смысле слова: я работал в наземном отряде и на всю жизнь запомнил гостеприимство монголов.

Ну а теперь по сути нашей сегодняшней конференции. Во-первых, я возглавляю группу дружбы с нашим Великим государственным хуралом Монголии в Государственной думе.

В 2021 г. мы отметили 100-летие наших дипломатических отношений. Было сказано много правильных, хороших слов, была приурочена совместная декларация. Там, действительно, много правильных и значимых слов.

Важным этапом в формировании нормативного фундамента наших отношений стал подписанный 3 сентября 2019 г. в Улан-Баторе Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией.

МИРОНОВ Сергей Михайлович, председатель Социалистической политической партии «Справедливая Россия — патриоты — За правду», руководитель фракции «Справедливая Россия — За Правду» в Государственной думе ФС РФ.

В этом году мы будем праздновать 85-летие победы советских и монгольских войск на Халхин-Голе над японским милитаризмом. Значение этой победы выходит далеко за рамки локального конфликта. В результате удалось не только отстоять независимость Монголии, но и мы раз и навсегда дали понять Японии, что не надо в тыл бить по Советскому Союзу, что это будет опасно и чревато. Уверен, что мы достойно отметим этот праздник.

Сегодня, когда ведется гибридная война, развязанная коллективным Западом во главе с США, конечно, создаются серьезные риски для российско-монгольского сотрудничества и добрососедства. Монголия не поддержала антироссийские санкции, но мы знаем, что на нее оказывается мощное давление со стороны Запада и Японии. Неслучайно в экспертном сообществе и российской прессе началось обсуждение темы, как нам не потерять Монголию.

Я абсолютно уверен в прочности российско-монгольской дружбы, но считаю, что нужно очень внимательно подойти к новым вызовам и совместно находить эффективный ответ.

Конечно, необходимо наращивать динамику российско-монгольского взаимодействия, прежде всего, конечно, в торгово-экономическом сотрудничестве. Цифры следующие: сегодня доля России во внешнеторговом обороте Монголии составляет всего 12 %, при этом доля Китая — более 60 %.

Хотел бы остановиться подробнее на некоторых факторах и проблемах, которые тормозят наше сотрудничество, и предложить свое видение перспектив развития российско-монгольских отношений.

Первое. Популярность у части монгольской элиты приобрела концепция «третьего соседа» в лице США. Мы уважаем суверенитет Монголии и стремление выстраивать многовекторную внешнюю политику. Но вместе с тем хотели бы обратить внимание на те негативные последствия, которые влечет за собой сближение с США и Западом.

Дело не только в том, что США и Запад в целом не являются в данном случае региональным игроком, страной-соседом в географическом смысле. Под маской распространения демократии и укрепления рыночных институтов США всегда приносят нестабильность, экономическую кабалу и в конечном счете войну. Мы испытали это на себе и прекрасно это понимаем.

Наша страна, как известно, придерживается принципа невмешательства в дела региона внешних сил. Жертвой Запада уже стал ряд народов и стран. Красноречивый пример — наш братский украинский народ, наши соседи, которых США и Запад используют как пушечное мясо в безрассудной авантюре.

Кроме того, западные ценности в корне противоречат тем традиционным ценностям, которые веками близки нашим народам.

Серьезную озабоченность вызывают намерения США развернуть в Монголии сеть биологических лабораторий по изучению воздействия на

человека возбудителей опасных инфекционных болезней. Чем занимались такие лаборатории на территории Украины, мы уже знаем. В Госдуме была создана комиссия, мы провели серьезное расследование. Не хотелось бы, чтобы наши друзья из Монголии испытали в конечном счете те же самые трудности.

Думаю, что кому-то на Западе очень хочется использовать Монголию для размещения там военных объектов США и НАТО, превратить территорию страны в плацдарм против России и Китая. Вовлечение Монголии в совместную военную активность с США и НАТО, попытки которого заметны с начала нулевых, опасно своим конфронтационным потенциалом и угрозой утраты суверенитета страны.

В то же время сотрудничество с нашей страной в военно-технической сфере, наоборот, направлено на укрепление монгольского государства и не несет потенциальной угрозы соседям, прежде всего с учетом отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем. Мы заинтересованы в суверенной, стабильной, сильной и процветающей Монголии!

Второе. Развитие транспортно-логистических возможностей отстает от потребностей нашего сотрудничества. Единственное совместное предприятие — это Улан-Баторская железная дорога, и, конечно, она требует очень серьезной модернизации. Здесь дело тормозится, и, к сожалению, это не соответствует интересам, с учетом того что это транзитная железная дорога, соединяющая Россию с Китаем, и она может принести взаимную выгоду и России, и Китаю.

Развитие авиасообщения между Россией и Монголией необходимо развивать, потому что сегодня локальные, небольшие авиакомпании летают из Иркутска, Красноярска, Улан-Удэ. Прямых рейсов из Москвы и Санкт-Петербурга в Улан-Батор нет, несмотря на то что он является крупным авиационным хабом. Уверен, что полноценное авиасообщение будет способствовать развитию туризма между нашими странами, который пока в большей степени носит приграничный характер.

Планы об увеличении потенциала Улан-Баторской железной дороги с 30 млн до 100 млн т есть, но здесь необходимо двустороннее движение, необходимо, конечно, работать.

Третье. Не так быстро, как хотелось бы, идет подготовка соглашения о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Монголией. Прежде всего Монголия заинтересована в наращивании импорта в нашу страну продукции животноводства. Несмотря на ряд вопросов, конечно, есть перспективы для нашего развития.

Четвертое. Мы заинтересованы в наращивании сотрудничества с Монголией в сырьевой и энергетической сферах. Здесь, конечно, идет борьба за монгольские ресурсы, прежде всего за редкоземельные металлы и уран.

Понятно, что проявляют очень большой интерес Германия, Франция, Южная Корея и, конечно, США. Мы здесь тоже должны активно сотрудничать. Дело в том, что огромная территория Монголии не исследована должным образом. У нашей страны есть очень хороший опыт, и здесь бы мы могли совместно очень хорошо поработать.

То, что «Росатом» и монгольский «Мон-Атом» достигли договоренности о строительстве в Монголии атомной станции малой мощности, — это, конечно, хорошо, но думаю, что вернуться к вопросу о совместной разработке монгольских урановых месторождений и обогащении уранового сырья в России было бы правильно.

Знаменитое месторождение урана «Доронод» — это наш Краснокаменск в Забайкалье, это одно и то же урановое тело, которое частично находится на территории России, частично находится на территории Монголии. Абсолютно одинаковая руда, абсолютно понятный принцип ее добычи и обогащения. Думаю, что здесь мы могли бы хорошо поработать.

Конечно, мы заинтересованы в реализации проекта газопровода «Союз Восток», и мы рассчитываем на поддержку в этом вопросе со стороны Китая.

Пятое. Успешность российско-монгольского сотрудничества на перспективу во многом зависит от вовлечения в этот процесс молодежи, молодых специалистов наших стран.

В настоящее время в России обучаются более 2000 студентов из Монголии, в том числе 1500 — за счет российского бюджета. В США, для сравнения, обучаются более 3000 монгольских студентов. Нашей ежегодной квоты в 620 человек, которая растет медленно, уже не хватает. Приходится проводить конкурс среди желающих, кому-то отказывать. Думаю, это неправильно.

Считаю, что нам нужно обучать в несколько раз больше студентов из Монголии. Мы прекрасно понимаем, что это залог нашего будущего сотрудничества.

И в заключение хочу сказать, что, конечно, мы заинтересованы в том, чтобы Монголия стала важным участником процесса формирования многополярного мира на глобальном и региональном уровне. Видим в этом важнейшую гарантию безопасности, суверенитета и устойчивого развития страны.

Считаю, что в качестве важного шага в этом направлении необходимо поднять статус Монголии в ШОС с наблюдателя до полноценного членства.

Как законодатель вижу свою задачу в совершенствовании нормативно-правовой базы наших отношений в интересах гармонизации и развития российско-монгольского сотрудничества, которое нам предстоит вывести в ближайшие годы на новый, более высокий уровень.

Благодарю за внимание.

CONTENTS

EDITORIAL	4
EURASIAN INTEGRATION AND COMMON MARKETS	
DINETS D. <i>Mongolia in International Financial and Logistics Chains</i> .	6
ENERGY POLICY	
IGNATOV I. <i>Russian-Mongolian Cooperation in The Field of Electric Power Industry: Problems and Prospects</i>	16
INTERNATIONAL COOPERATION	
NIKIFOROV S. <i>Promising Directions for The Development of Russian-Mongolian Relations from The Point of View of Civilizational Political Science</i>	27
GLOBAL AND REGIONAL SYSTEMS	
FARTYSHEV A., BEZRUKOV L. <i>Geographical Structure of Foreign Trade of Mongolia: Intracontinentality, Bordercrosses And Features of Logistics</i>	42
ENERGY PROJECTS	
YUSHKOV I. <i>Energy Cooperation Between Russia, Mongolia And China</i>	58
THEORY OF THE WORLD ECONOMY AND WORLD ECONOMIC RELATIONS	
EGOROV V., INSHAKOV A. <i>Cooperative Theory of The Second Half of the XIX – First Half of the XX Centuries</i>	67
EVENTS	
CURRENT PROBLEMS OF RUSSIAN-MONGOLIAN COOPERATION	
ZATULIN K. <i>Welcoming Speech at The International Conference “Actual Problems of Russian-Mongolian Cooperation”</i>	88
D. UNUBILEGT. <i>The SCO And the Question of Mongolia’s Membership</i> .	90
MIRONOV S. <i>Prospects for The Development of Russian-Mongolian Relations</i>	96

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ТЕКСТЕ

АБР – Азиатский банк развития

ВБ – Всемирный банк

ВИЭ – возобновляемые источники энергии

ВТО – Всемирная торговая организация

ГЭС – гидроэлектростанция

ЕАИ – евразийская интеграция

ЕАЭС – Евразийский экономический союз

ЕЭК – Евразийская экономическая комиссия

ИРИ – Исламская Республика Иран

МЭА – Международное энергетическое агентство

НПО – неправительственные организации

СПГ – сжиженный природный газ

ТЭК – топливно-энергетический комплекс

ТЭС – теплоэлектростанция

УБЖД – Монголо-Российское акционерное общество
«Улан-Баторская железная дорога»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, и данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведёт переписку с авторами. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Геоэкономика энергетики» обязательна.

Научно-аналитический журнал «Геоэкономика энергетики»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75848
выдано 13 июня 2019 года

Возрастная категория: 16+

Подписной индекс 33321 на полугодие
в интернет-каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

ISSN 2687-0703

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ»
№ 3 (27) 2024

Издательство Института стран СНГ
Адрес издательства и редакции: г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3
Телефоны: (499) 799-81-49, (499) 799-81-62
E-mail: info@geoenergy-journal.ru
Сайт: <http://geoenergy-journal.ru>

Подписано в печать 29.09.2024
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
Тираж по заказу. Заказ № 19/Е.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.